

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

A full-page background image featuring a young man with a beard, wearing a dark blue naval officer's coat with gold buttons over a striped shirt. He is looking upwards and to the right. In the background, a large, dark-hulled ship with a red superstructure is on the water. The scene is set on a ship's deck with a metal railing.

СКИТАЛЕЦ ГЕНИЙ

Константин Георгиевич Калбазов

Скиталец. Гений

Серия «Скиталец», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56732275

Аннотация

Что это? Бред? Кома? Или он и впрямь оказался в мире, живущем по правилам игровых реалий? Прокачка себя любимого, умения, навыки, дерево развития, уровни, артефакты. Вроде бы и Россия, но отчего-то раскинувшаяся на территории многочисленных архипелагов. Царь, князя, бояре, дружины, пароходы, пираты... Поверить в окружающую реальность трудно. Однако, бред это или нет, лучше все же принять существующие реалии и вписаться в этот мир. Пропасть-то всегда успеется.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	67
Глава 6	82
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Константин Калбазов

Скиталец. Гений

Глава 1

Един в двух лицах

Григорий пробежался по сочной зеленой траве и, оттолкнувшись, отправил свое сильное и молодое тело в короткий полет. Описав дугу, он приземлился тремя метрами ниже на крутой песчаный склон высокого берега. Присел и ушел в кувырок. Докатившись до низу, вновь оказался на ногах и побежал вдоль морского берега, но не приближаясь к кромке воды. По влажному и плотному песку бежать было бы не в пример удобней, но он предпочел трудности.

Через пару верст он вновь повернул к крутому склону. Обливаясь потом и натужно дыша, начал карабкаться вверх. Буквально в сотне метров от него на берегу расположились рыбацкие шаланды, развешены для просушки сети и начинается пологий берег. Однако подросток предпочел трудный путь.

Наконец под ногами опять сочная зеленая трава, какая бывает только весной. Не переводя дух и не задерживаясь ни на мгновение, он побежал дальше, оставляя рыбацкий посе-

лок по правую руку от себя. Его путь лежал на окраину рабочей слободки, примостившейся неподалеку от верфи, а это еще добрых три версты. Не близко. Но Григорий продолжал упрямо бежать к намеченной цели. Два шага, вдох носом. Два шага, выдох ртом.

Пробежав позади огородов, он перепрыгнул через плетень, вдоль которого были высажены плодовые деревья. Проскочил по дорожке между рядами уже всходящей ботвы картошки. Далее – грядки с всходами различной зелени и овощей. Наконец забор хозяйственного двора. Справа коровник с Пеструшкой, рядом с ним хлев с парой подсвинков. Слева птичник.

Зажиточно они живут, чего уж. Хотя родители так и не поднялись выше третьей ступени, в хозяйстве они знали толк и никогда не ленились. К тому же и детей приучали. Кто его знает, какими талантами Господь наделит. А коли руки не из задницы, тогда и сам голодным не останешься, и семью прокормишь. Так их родители растили, так и они воспитывают своих чад.

Чего не сказать о многих соседях. Перебиваются с хлеба на воду, и то в радость. А как петушок сладкий дитю или себе чем потрафить, так это только в праздники, никак иначе. Вот если водочкой казенной в кабаке закинуться или самогончика дома выгнать, это завсегда пожалуйста. Григорий на таких иначе как без осуждения смотреть не мог. И дело тут даже не в отцовском воспитании.

Остановившись посреди просторного пяточка у хлева, парень согнулся, упершись руками в колени. Малость отдышался, а потом выпрямился и начал делать гимнастические упражнения. Покончив с комплексом, подпрыгнул и повис на перекладине.

На этом пяточке у него был целый спортивный уголок. Штанга из лома с насаженными на концы парусиновыми торбами, набитыми влажным песком. В сухую погоду он их неизменно поливает водой, дабы сохранить прежний вес. Надо бы, кстати, увеличить. Наклонная доска для того, чтобы качать пресс. Пара пудовых гирь.

Ему только четырнадцать, но вымахал в отца, косая сажень в плечах. Ну и развивает физическую форму без дураков. Вот как только до него дошло два года назад, что чуда не случится, так и принялся за совершенствование физической формы. Без нее никуда, а тратить на это драгоценные очки надбавок – глупость несусветная. Если есть возможность заплатить одним лишь трудом да бочкой пота, так отчего бы не воспользоваться халявой.

До посвящения, или, как его называли люди образованные и Григорий в частности, инициации, осталось всего ничего. Но тут дело такое, что каждый день на счету. И если есть возможность, то лучше уж ею воспользоваться, коль скоро пошел по этому пути.

Несколько подходов к снарядам в различной вариации, и он переместился на небольшой настил из струганых досок

– не хватало еще занозу посадить. Занимался Григорий и в дождь, и в грязь, и в лютый мороз. Здесь он делал растяжку, раскладывая свое тело так, как прописано в книжке о гимнастике. Ее и руководство по приемам борьбы без оружия он приобрел позапрошлой зимой на ярмарке.

Покончив с растяжкой, отдал должное мешку, набитому все тем же песком. Молотил он его, не жалея ни рук, ни ног, при этом четко следя за тем, чтобы выходило в точности, как в той книжонке прописано. Прежние-то приемы уже отработаны до автомата, но он второй день осваивает три новых. А от того, насколько ты их правильно поставишь, зависит и то, как ты их станешь использовать в деле. Ну и старые приемы повторил.

После мешка с песком пришел черед длинного, набитого опилками. На нем он отрабатывал приемы борьбы. И снова без дураков, отдаваясь целиком и без остатка. Извалялся в пыли, потому как на этом месте повытоптал всю траву. В результате стал чумазым, как черт.

– И не надоело тебе, Гришка, ерундой маяться, – покачав головой и пыхнув табачным дымом, произнес дюжий высокий мужик.

Час ранний. Только шесть утра. На верфь ему к семи. Так что время есть и для первой утренней самокрутки, и для плотного завтрака, и для короткого разговора со старшим сыном.

– Здорово, батя.

– И тебе не хворать, сынок, – ухмыльнувшись, с прищуром произнес отец.

– Сколько уж о том говорено, батя. После посвящения Сила, Ловкость да Терпение будут капать в год по чайной ложке.

– Так и я тебе говорил: иные очки за ступени выкладывают, и ничего, на жизнь не жалуются, – с хитрецей произнес Иван.

– Батя, ну чего ты опять!

– Ладно, умник. Ты лучше удобу не забудь обиходить.

– Все сделаю, как всегда, – расстегивая на себе увесистую парусиновую жилетку, заверил Григорий.

Одежка соскользнула с его плеч и повисла на гвозде, вбитом в стену с солнечной стороны, дабы просохнуть. Жилетку подросток сшил сам, своими руками, как, впрочем, смастерил и все снаряды. Приделал карманов, которые набил песком, так что весу в ней две трети пуда будет.

– Родителей-то не забудешь, когда в люди выбьешься? – все с тем же прищуром поинтересовался отец.

– Нешто в себе сомневаешься, а, батя?

– Чего это?

– Ну так твоего же воспитания. Коли родителей и отчий дом позабуду, знать, плохо ты мне в голову науку вкладывал.

– Эва ты куда загнул. А ну как ремня?

– Поздно уж ремня-то, батя.

– А в морду?

– Это, конечно, можешь. Если догонишь, – весело осклабившись, произнес парень.

– Научился, стало быть, бегать?

– Научился.

– Ну и пусть тебя, – отмахнулся родитель и пошел в дом, благо жена уже звала к столу.

Поначалу Иван счел потуги сына блажью. Никто и никогда так не делал. Нет, оно понятно, ухватки там разные, драки стенка на стенку, карабканья на деревья и вообще на все, куда только можно залезть. Опять же, футбол, столь любимый пацанами. Но Григорий и вовсе уж серьезно к этому делу подошел. Причем себя не жалеючи.

Но когда сын попросил, Топилин раздобыл ему пару лотов. Помог соорудить перекладину. Выменял у рыбаков добрый кусок парусины, из которого сын пошил всякого-разного. Затейник, каких мало. Взять хоть ту же жилетку с песком. Мало, что постепенно ее вес увеличивал, так ведь она у него уж третья... Две другие так на нем и сопрели да изодрались.

Правда, парень вырос справный и весь ладный такой. Да ловкий, шельма. Сам-то не говорит, но разговоры окрест ходят о том, что в кулачных сшибках с другими слободками он из первых будет. А школу так и вовсе уж год держит в ежовых рукавицах. Но при этом не лиходействует, все делает по совести.

Опять же, Господь, он, конечно, может одарить милостью своей, кто бы спорил. Но ведь недаром же говорится – на бо-

га надейся, а сам не плошай. Кто знает, может, и зря сынок надрывается, но не лежебока какой и цель в жизни имеет. А как такому не потрафить? Глядишь, и выбьется в люди. Не то что батя его, не сумевший на флоте подняться выше кочегара. А как сошел на берег, так далее молотобойца не продвинулся. Целый день на верфи садит молотом по раскаленным заклепкам, вот и все достижение. Ну. Разве еще пятеро здоровых и румяных деток. Тоже немало, если подумать. Их ведь прокормить да выучить нужно. И они с супругой с тем справляются, да получше кого другого.

Покончив с тренировкой, Григорий пошел управляться в коровник. После него еще хлев, а там и к соседке. Вдова Любава. Паренек сам вызвался ей помогать. Это он так Выносливость прокачивал. Тяжко, не без того. Но ведь глупо же платить высокую цену за то, что можно взять, всего лишь слив бочку пота. Ну две. Халява...

Случилось это четыре года назад. Как, почему и что вокруг вообще творится, Рудаков Борис Петрович, пятидесяти лет от роду, понятия не имел. Последнее, что он помнил из своей прошлой жизни, – это себя на заднем сиденье солидного «Мерседеса», проломившего ограждение путепровода, и стремительно надвигающийся на него асфальт.

Бог вещь, может, он сейчас лежит в коме, и все происходящее – это всего лишь видение, сон или бред. А быть может, он прошел через перерождение, оказавшись в теле десятилетнего ребенка, которого едва вытянули с того света.

Отец и мать тогда не только весь свой свободный опыт слили, но и запасы избыточного под ноль вывели. Но первенца все же вытащили.

Хорошо хоть за год обучения уж уплачено было, а не то пришлось бы в кабалу идти, потому как всяк обязан дитя в школу отдать и до посвящения оплачивать его учебу. Это уж потом, если разумность позволит, за обучение может заводчик или фабрикант заплатить. Школа же – только на родителях. И отказаться от обучения ребенка не получится. Закон строг и суров. Придется в долги влезать. А не сумеешь в срок расплатиться, так и в кабалу.

Непонятно? Вот и Борису Петровичу было непонятно. Впрочем, он и сейчас не больно-то понимает, что вокруг творится. Полное ощущение, что он в компьютерной игрушке, только больно уж навороченной. Тот виртуал, о котором он слышал в своей прошлой жизни, и рядом не стоял с испытываемым им сейчас.

Или все же бред?.. Правда, совершенно неотличимый от реальности. Ну хотя бы потому, что за свои четырнадцать лет Григорий уже дважды побывал на грани. В первый раз он ничего так и не понял, потому что только-только здесь появился. А появился ли? Такое ощущение, что он всегда тут был, только осознал себя лишь в результате болезни. Потому что вся прежняя жизнь мальчишки, пусть и короткая, им воспринималась как само собой разумеющаяся и прожитая от первого мгновения.

Зато во второй раз, когда он упал с дерева, пропоров себе суком живот, он познал всю гамму болезненных ощущений, горячку и даже свет в конце тоннеля наблюдал. Тогда обошлось без артефакта, доктор и так управился. А Борис Петрович окончательно уверился в реальности происходящего. Ну или принял как данность реалии окружающего его мира.

Сначала решил для себя, что он теперь, Топилин Григорий Иванович. Поставил на этом точку и начал прикидывать перспективы. Махать всю жизнь, как батя, молотом на верфи, походив малость по морям кочегаром, ему категорически не улыбалось.

Отсюда вывод – нужно развиваться. Здесь все подчиняется реалиям игрового мира, по-другому он происходящее воспринимать не мог. Но любая игра основана на своде правил и на законах реальности. Где-то упрощенно, где-то приукрашено, но суть остается неизменной. А он в прошлой жизни чего-то да добился, причем не воровством, а своим трудом и головой.

В десять лет всех детей отдавали в школу, где они учились четыре года. В четырнадцать проходили через посвящение, получая базовые характеристики. Всего их пять, и они сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Сила, Ловкость, Выносливость, Харизма и Интеллект.

Именно последняя является основной, потому что оказывает непосредственное влияние на обучаемость, наработку опыта и развитие человека в целом. И вот с Интеллектом-то

у Григория как раз не ладится.

Кстати, пока не нужно проговаривать, слово это не вызывает никаких трудностей, как, впрочем, понимает он и его значение. Но как только нужно его сказать... Вот вертится на языке, а вместо него он неизменно произносит «Разумность». И понимает, что вроде как сказать по-иному хотел, а не может вспомнить, как.

И ладно бы только с ним. Но так у него было во всем. Арифметика, словесность, иные предметы... Вот деньги посчитать – это пожалуйста, ими он оперировал легко и непринужденно. Но с цифрами на доске или в тетрадке начинались серьезные проблемы. Расскажут какую историю, так перескажет чуть не слово в слово даже через год. Но как только доходит до того, чтобы выучить стихотворение, так сразу ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку».

Прежний Борис Петрович был потрясен происходящим. Он, конечно, никогда не был медалистом, но школу и институт окончил с хорошими оценками и в жизни достиг определенных высот. Город у них провинциальный, но без одобрения Рудакова и вода не посвятится. Эдакий серый кардинал глубинки. А тут вдруг почувствовал себя настоящим дубиной. Человек, добившийся определенного успеха, попросту не мог смириться с таким положением.

К двенадцати годам из школьного курса он более или менее получил представление о том, как в этом мире происходит развитие личности. И понимая, что основная характе-

ристика у него в загоне, решил подтянуть по возможности все остальные. До инициации еще можно было получить хороший рост коэффициента. После естественный прирост сокращался на порядок.

В этом мире невозможно встретить ботанов в прежнем понимании. Тебе ни за что не окончить институт, если твоя физическая форма не на должном уровне. То есть человек, конечно, мог быть тучным, но это вовсе не значило, что он не способен пробежать пару-тройку верст. Выносливость с соответствующим коэффициентом решала эту проблему полностью. Он мог быть худым, как щепка, но благодаря показателям Силы оставить с носом качка из прежнего мира Бориса Петровича.

Разумеется, эти показатели можно было увеличить. Для этого нужны были очки надбавок. Пять получаешь сразу по инициации и столько же – за первую и последующие ступени. По сути, каждое очко – это один процент к коэффициенту характеристики. Но дело это такое...

К примеру, взять его родителей... Как и у подавляющего большинства, из-за низкого Интеллекта их потолок – третья ступень. Иными словами, отец и мать сумели получить только по двадцать очков надбавок. Мягко говоря, это ни о чем. Выше же им уже не подняться, если только не начать вкладываться финансово, выкупая свободный опыт. Но это такие деньги, о которых простым работягам и подумать-то страшно.

Именно по вышеперечисленным причинам Григорий и изводил себя физическими нагрузками, да еще и, не придя толком в себя, брался за хозяйственные дела. Каждый день подъем в четыре, вместе с матерью, которая вставала обихаживать и доить корову. Пробежка на добрых шесть верст и далее по списку.

Кроме того, он не забывал о такой характеристике, как Харизма. Именно поэтому он лез во все драки, ставил на место даже старшаков. Неизменно водил ватаги биться с гимназистами, реальненцами или ремесленниками. Участвовал в кулачных сшибках за слободку. Все это должно было дать положительный результат.

Покончив с хлебом, Григорий отставил инструмент и направился к боковой калитке, ведущей на соседнее подворье. Вообще-то у Любавы трое детей, а старший – сверстник и друг Топилина. Так что есть кому управиться по хозяйству. Но, как уже говорилось, паренек сам предложил свои услуги, и не по доброте душевной, а с умыслом.

– Здравствуй, Гриша. Я гляжу, ты уж закончил.

Управившись в хлеву, Григорий уже было направился к выходу, когда в дверях появилась хозяйка. Женщине было тридцать шесть лет. В теле, но ни разу не толстая. Как говорится, кровь с молоком. Батя про таких приговаривал – возьмешь в руки, маешь – вещь. Насколько знал паренек, отец порой захаживал в гости к соседке. Ну там, приколотить чего, переставить, подвинуть. Поди одной-то непросто

с домашним хозяйством справиться.

Любава овдовела в прошлом году. Мужиков, как это часто бывает, не хватает, вот и живет одна с тремя ребятишками. Старший, Колька, скоро пройдет инициацию, глядишь, и полегче станет.

Вообще-то парень он не глупый. У него явно с Интеллектом получше будет, потому как и сам учится, и Гришку за собой тянет. Но сомнительно, что после школы он пойдет в ремесленное или реальное училище. Про гимназию так и вообще говорить нечего. Кто за это будет платить? Да даже если заводчик или какой фабрикант возьмут этот груз на себя, семье нужно как-то кормиться. Любава из последних сил выбивается. Так что Кольке наверняка придется идти в неквалифицированные рабочие. Жалко парня. Головастый. Такому дать толчок – многого достигнет.

– Здравсте, тетя Люба. Да, уж закончил, – подходя к двери, произнес он.

Вместо того чтобы отойти в сторону и выпустить парня, Любава заступила ему дорогу и одарила лукавой улыбкой. Григорий, будучи высоким подростком, посмотрел на нее сверху вниз и ответил ей тем же. Только при этом еще и скосил глазами в сторону дома.

– Колька с рассветом ушел на речку рыбачить. Добытчик. Малые будут спать, пока не подниму, – качнувшись к нему и вдыхая терпкий запах вспотевшего тела, томно произнесла она.

Четырнадцать лет. Уже вполне сформировавшийся организм со своими потребностями. И уж тем более, когда внутри сидит зрелый мужчина. Стоит ли удивляться, что Григорий не смог пройти мимо веселой вдовы. Выносливость — это, конечно, хорошо, но ведь это еще и повод оказаться поближе к объекту. Опять же, если после всего сделанного еще и... Словом, та еще проверочка для одной из характеристик.

Больше ничуть не стесняясь, Григорий обнял женщину за талию и с силой прижал к себе. Она сразу же почувствовала его возбуждение и разгоряченное тело.

— Ох, Гриша, — вздохнула она, запрокидывая голову.

Он впился в ее губы, и она с жаром ответила на поцелуй. Не выпуская друг друга из объятий, сместились в сторону, где лежало сено. Его натаскал Григорий на случай непогоды, чтобы лишний раз не мокнуть. Ну и вообще...

Вернувшись на свой двор, паренек ополоснулся из бочки, что стояла под водостоком. Вообще-то она предназначена для полива, но сейчас в том нет никакой необходимости, вот он и пользуется ею по своему усмотрению. А как придет сушь, так он и до речки пробежится, тут недалеко. Хотя-а-а... Это уж вряд ли. Сейчас только начало мая, и, по идее, к тому моменту, как вода потеплеет, он пройдет инициацию. А тогда уже не будет и острой потребности в подобных занятиях.

Глава 2

Инициация

– Садись завтракать, – встретила его мать, когда он вошел в дом.

Трое сестер и младший брат уже за столом и уминают кашу. Не из общего чугунка, а каждый – из своей миски! Такое не в каждом доме встретишь. У той же Любавы даже при живом муже подобного не водилось.

Глянул на ходики. Пятнадцать минут восьмого. До школы – четверть часа пешком. Минимум полчаса у него есть. Присел за стол, и тут же мать поставила перед ним завтрак. В прошлой жизни каких только блюд ему не доводилось есть! Поездил по странам, попробовал разные кухни. Но вот здесь, казалось бы, немудреная еда, а уминает за обе щеки.

– Петька, чего мух считаешь? Ешь давай, – глянув на младшего брата, велел Григорий.

Он только первый класс заканчивает, но уже понятно, что поумнее братца будет. Уж как минимум ремесленное ему обеспечено. Батя заявил, что если Господь сподобит Петьку, то пойдет учиться дальше. Реальное училище родители уже не потянут. Тут ведь еще и девочки подрастают. А закон неумолим: все дети должны пройти обучение в школе. Дальше уж как получится, но начальное образование и посвяще-

ние под приглядом характерника обязательны.

Нет, это вовсе не забота о подрастающем поколении. В конце концов, есть ведь и независимые характерники, а была бы ниша, так и их было бы побольше. Потому как без них посвящение не пройти, а то можно и вовсе пустышом остаться. В стародавние времена так оно по большей части и было.

В момент инициации самочувствие подростка ухудшается. Его ни с того ни с сего вдруг начинает мутить и может даже вырвать. Вот тут-то и нужен характерник, который сумеет провести посвящение. Раньше это был целый обряд. Сейчас те темные времена канули в лета, наука шагнула вперед и все происходит куда как буднично.

Так вот. Царь ввел закон о всеобщем образовании, а князья и бояре поддерживали, да неспроста. Ведь одаренные личности вовсе не обязательно рождаются среди аристократии. Там-то как раз хватает бездарей. И кабы не деньги, благодаря которым дело можно выправить, то и оставались бы они посредственностями. Но прогресс неумолимо идет вперед, и нужда в образованных кадрах растет не по дням, а по часам. Опять же, не везде можно заткнуть дыры дворянством. И где-то русские даже отстают от соперничающих держав.

Кроме управленцев и чиновников, растет потребность в квалифицированных рабочих. Повсеместно внедряются различные станки и машины, а к ним без обучения в ремесленном училище не подступиться. Ту же ткачиху с улицы уже не возьмешь, потому как и себя покалечит, и толку не будет.

Конечно, обучить можно и пустыша, ведь, даже не пройдя через посвящение, тупицей он не станет. Но одно дело – обучать перспективного ученика и совсем другое – вкладывать силы и время в кота в мешке. Опять же, уровень подготовки прошедшего посвящение всегда значительно выше и перспективы лучше. Оно, конечно, и человек с талантами может оказаться бестолочью ленивой, но тут уж против человеческой природы не попрешь.

Плотно позавтракав, Григорий поднялся из-за стола и полез на чердак. Уж два года, как он переселился туда, благо подняться по лестнице можно было прямо из сеней.

Сами-то сени холодные, но на чердак выходил дымоход. Вот возле него паренек и устроил себе постель. Застеклил слуховое окно собранными осколками да утеплил подручными материалами скат кровли. Получилась эдакая мансарда. Зато куда просторней, чем остальным членам семьи, и этот угол был только его.

Сбоку стоит тумбочка и самолично изготовленный письменный столик. Неказистый, но вполне пригодный для письма. Только наука в голову лезть упорно не желает. Он ее как уж только не пихал, даже придумывал себе разные поощрения и наказания. Да все без толку. Полено он, и ничего-то с этим не поделать. Правда, понимая это, он не собирался опускать руки.

Подобрал с тумбочки парусиновую сумку, заглянул внутрь. Перетасовал содержимое, заменив книжки и тетрад-

ки на нужные. Проверил, есть ли чернила в непроливайке. Глянул, цело ли перо и на месте ли запасное. Удовлетворенно кивнул и посмотрел на светлый квадрат на полу. Это у него эдакие солнечные часы. Он тут все своими руками обу-страивал, а потому каждую щель знает.

По всему получается, минут пять у него есть. Можно, конечно, и без спешки спуститься вниз, но есть идея лучше. Григорий опустился на табурет и вооружился обрезком широкой струганой доски, выкрашенной в черный цвет. Взял мелок, которые он беззастенчиво воровал в школе. Посидел несколько секунд, хитро улыбнулся и принялся рисовать.

Вообще-то карандашом или пером управляться было не в пример удобней. Но бумага стоит денег. Они, конечно, не бедствовали, но то скорее благодаря домовитости родителей. Заработки отца не назвать высокими, ввиду неквалифицированного труда опыта капало немного, и зарплата оставляла желать лучшего. Так что свободных денег у Топилиных, считай, никогда и не водилось. Одно дело – купить необходимое для учебы, и совсем другое – рисование. Оно же баловство одно.

Рука легко запорхала над доской. Штрихи и линии ложились словно сами собой. Он еще только заканчивал выводить одну линию, а уже знал, где должна будет лечь другая, где и как заштриховать.

Не прошло и пяти минут, как на доске появился набросок фривольного содержания. Причем несмотря на то, что рису-

нок выполнен мелом, в фигурах, слившихся в порыве страсти, легко угадывались сам Григорий и соседка Любава. Отставив получившееся от себя на вытянутой руке, паренек не без удовольствия окинул взором результат. А потом, вооружившись обрывком ткани, махом стер свое художество. От греха, так сказать.

У Рудакова в прошлой жизни было множество талантов, но вот рисовать он совсем не умел. В школе у него всегда выходили непонятные каракули, но так как подростком он был видным, а характера ни разу не гнилого, девочки всегда были готовы выручить его, чем он беззастенчиво и пользовался. Не сказать, что игра эта была в одни ворота, но факт остается фактом.

Каково же было его удивление, когда Борис Петрович вдруг осознал, что здесь, в этом теле, он умеет рисовать. Не художник, конечно, но и не криворукий какой. На этой волне он так увлекся, что хватался за карандаш при всякой возможности. Когда же ему досталось от отца за то, что он переводит дорогие бумагу и карандаши на какое-то безобразие, он смастерил себе эту доску.

И результат не заставил себя ждать. С каждым разом у него выходило все лучше и лучше. Он сам чувствовал, как быстро прогрессирует, а оттого загорался еще сильнее и трудился с большей отдачей. Шутка сказать, но порой он мог рисовать часами, засиживаясь до петухов. Правда, только в том случае, если удавалось раздобыть бумагу. Рисунки в ка-

рандаше получались более детальными и куда больше радовали глаз. А еще способствовали его прогрессу.

Баловство? Ну да, так оно и есть. Да только поделаться с собой он ничего не мог. Нравилось ему рисовать, и все тут. Поставленная перед собой цель и неуклонное движение к ней – это, конечно, замечательно, но ведь хочется чего-то и для души.

Подхватив сумку, он сбежал по лестнице, куда там заправскому моряку по трапу, и выскочил во двор. Осмотрелся. Младшего брата не видно. Колька, сосед, уже стоит у калитки и недовольно разводит руками: мол, ну чего ты тянешь?

– Петька, ты где?

– Да иду я, – пробурчал младший.

Учеба Петьке давалась легко, а вот в школу ходить он не любил. Как раз тот самый случай, когда котелок варит, и, скорее всего, с Интеллектом, или Разумностью, как его называли местные, у него полный порядок. Но лень-матушка очень даже может пересилить, похоронив неплохие мозги. Одна надежда, что с возрастом он все же возьмется за ум.

– Ну вы чего? Опоздаем же! – поторопил поджидавший Николай.

– Ну, как рыбалка? – поинтересовался Григорий.

– А ты откуда... – начал было и осекся сосед, бросив на друга подозрительный взгляд.

– Ну так, пока коровник чистил, мамка твоя заходила глянуть, – ничуть не стусевавшись, сообщил Гришка.

Паренек еще несколько секунд смотрел на него, прищурившись, но потом тряхнул головой, словно отгоняя какую-то глупость, и ответил:

– Хорошо порыбачил. Целый кукан наловил. Нам на пару дней хватит, чтобы кашу сдобрить.

Знает Колька о похождениях матери, только представить не может, чтобы его друг и сверстник мог к ней захакивать с тем же, с чем и мужики. Оно вроде и втайне все делается, да шила в мешке не утаишь. И ведь наверняка даже мамка Гришкина о муже догадывается, но молчит и виду не подает. А что она может, мужняя жена? Только и остается, что, сохраняя лицо, изображать неведение. А вот о сыне наверняка ничего такого не знает. Он же чадушко неразумное, даже посвящение еще не прошел.

– Это дело хорошее. Слушай, Колька, сегодня контрольная по арифметике...

– Ну?

– Ты вот что. За меня сегодня решать не нужно.

– Понятно. Опять, значит, сам хочешь?

– Хочу.

– А потом батя тебя если не отлупует, то под замок посадит.

Находило такое порой на Ивана, брался всерьез воспитывать сына, вколачивая науку. И мужика где-то понять можно. Он ведь кровные отдает за то, чтобы сын выучился, а тот неуды хватает.

– Ну и посадит, не велика печаль.

– Ага. Забыл, что в субботу с нахаловскими деремся?

– Ничего, и без меня управитесь.

– Может, и управимся, но с тобой спокойней. Ты вот что...

Я решу за нас обоих, а ты там сам себе. Потом сравнишь. Если управился, так тому и быть, а нет, так набело с моего листка перепишешь.

– Ла-адно, – признавая правоту друга, согласился Григорий.

Вот ведь. Вроде и взрослый мужик. По сути, ему сейчас пятьдесят четыре, но детской непосредственности и бесшабашности в нем порой столько, что хоть за голову хвататься. За каким делом он поперся на то дерево, через которое чуть живота не лишился? Хороший вопрос. Но вот надо было ему, и все тут. И сейчас одна только мысль, что драка может пройти без него, уже задевала за живое. А ведь не был в прошлой жизни драчливым, факт.

Ну, что тут сказать... Николай знал своего друга лучше, чем он сам. Григорий честно пыжился, стараясь решить, в общем-то, несложные примеры и задачку. Едва он прочел условие последней, как тут же уверился в своих силах, настолько она ему показалась простой. Но стоило подступить к решению, как он, по своему обыкновению, тут же поплыл. Та же ситуация – с примерами. Григорий, а вернее, Борис Петрович был готов рвать и метать. Сомнений в том, что задания элементарные, никаких, да только не давались

они ему ни в какую.

После уроков Григорий с Николаем присоединились к ребятам на футбольном поле. Эта игра появилась здесь сравнительно недавно. Ее завезли из Англии, и она сразу же обрела популярность, особенно в школах, так как способствовала физическому развитию ребят в развлекательной форме. Это не занятия гимнастикой, где нет духа соперничества и азарта.

Играли в футбол как на уроках, так и после, только нужно было получить мяч у учителя физкультуры. В принципе, рвение в спорте поощрялось, ведь степенью подготовки учеников нередко интересовался и сам боярин Морозов. Хозяин острова проявлял заинтересованность в должной подготовке кадров, не то что его покойный батюшка.

Но абы кому спортивный инвентарь не выдадут. Григорий обладал достаточным авторитетом, чтобы получить его под свою ответственность. Правда, под самую что ни на есть реальную. Не дай бог, что случится, так ответ держать ему. Как он там все решит, директора школы не касается, да только испорченное или утраченное имущество придется восстановить. А мяч, на минуточку, пять рублей стоит! Но то дело привычное. Скинут, куда не денутся. А кто не скинется, тот и в зубы получить может. Коллектив!

Игра, в отличие от контрольной, у Григория задалась, пусть и пришлось физически выложиться еще с утра. Впрочем, это его обычное состояние, так что все привычно, как

всегда. Довольный собой, он вернул мяч учителю и хотел уже было идти домой, так как время обеденное, но тут к расходящимся ребятам подбежал малец из второго класса.

– Ребята, там в порт пришел «Витязь»!

– Врешь! – чуть не хором воскликнули старшекласники.

– Ничего не вру. Сам видел!

– Айда, ребята! – тут же сорвался Григорий.

Вроде и сидит в нем взрослый дядька, который порой прорывается наружу, проявляя рассудительность, ввергающую в ступор окружающих, но нередко случалось и вот так. Восторг, горячечный блеск в глазах и энергия через край. И ладно бы шагом, так нет же, ватагой понеслись по пыльным улицам, что твои кони.

Их остров Морозовский большими размерами не отличается, российские архипелаги изобилуют и куда более крупными островами. Но здесь имеются свой металлургический завод и собственная верфь. На последней строятся торговые суда среднего тоннажа. Из военных – только миноносцы и миноноски.

В дружину боярина входят канонерка, четыре миноносца да столько же миноносок. Батальон морской пехоты – при двух подвижных береговых батареях шестидюймовок. Для орудий по периметру острова устроена железная дорога и оборудованы позиции за массивным бетонным прикрытием.

Месяц назад прошла весть, что боярин решил усилить свою дружину еще одним кораблем, и не абы каким, а самым

настоящим броненосцем. Кто-то важно пыжился при этом известии, мол, растем, и силы наши крепнут. Другие только пожимали плечами, не понимая, каким образом подобное усиление может выдержать экономика не столь уж и богатого острова. Третьи только качали головой, поминая тихим, но недобрый словом князя Тактакова.

Времена сейчас такие, что строящиеся корабли порой устаревают, еще будучи на стапелях, что уж говорить о старичке «Витязе». Десять лет назад он был красой и грозой российского флота, но на сегодняшний день уж успел устареть. Если броня еще вполне приличная, то ход в двенадцать узлов никуда не годился, как и артиллерия, которая сейчас минимум в полтора раза уступает однотипным орудиям.

Княжеская дружина пополнилась современным кораблем. Старичка, конечно, можно было бы и модернизировать, но это дело обойдется княжеской казне чуть ли не в треть строительства новейшего броненосца. На сегодняшний день, разумеется. А дружина сюзерена должна состоять из лучших кораблей княжества. Поэтому «Витязя» предпочли продать боярину Морозову и на его же плечи возложить обязательства по модернизации корабля, в частности, котельной, машинного отделения и вооружения. По сути, прежним останется только корпус, да и то в лучшем случае.

Словом, траты предстояли нешуточные, и лечь все это должно было на казну сравнительно небольшого острова двадцати двух верст в длину и пятнадцати в ширину. На нем

располагался всего-то один город, два села да полторы дюжины деревенок, один горняцкий и четыре рыбацких поселка. Промышленность невесть какая. И если руда еще своя, то уголек для металлургического завода приходилось завозить...

Вид стального монстра Григория не особо впечатлил. Эдакий огромный утюг, четыре двенадцатидюймовых орудия, по два в носовой и кормовой башнях. Для такого калибра они ему показались куцыми и как-то не производили впечатления. Но вот осознание того, что перед ним конструкция весом в десятки тысяч тонн, заставляло все же по достоинству оценить как вложенный труд, так и сам грозный, монументальный вид.

Ребятня же была просто в восторге. Бросали вверх картузы, улюлюкали и свистели. Как говорится, радости полные штаны. Еще бы! Такая силища! И вообще, далеко не всякая боярская вотчина могла похвастать наличием эскадренного броненосца.

Григорий стоял в стороне со снисходительной улыбкой, когда вдруг почувствовал головокружение. И тут же подступила тошнота, причем столь серьезная, что его согнуло пополам и вырвало. От завтрака уже давно ничего не осталось, так что с первым позывом наружу вышла одна лишь желчь. На второй заход не осталось и этого. А между тем его продолжало выворачивать. Ощущение было таким, что он вот-вот начнет выплевывать внутренности. Голова кругом, перед

взором мутная пелена, и все вертится, словно он на пошедшей вразнос карусели.

Из какого-то далекого далека он слышал, как его зовет испуганный Колька. Как кто-то из ребят предположил, что у Гришки началось и его нужно нести к директору для посвящения. Ибо как-то ему совсем уж худо, как бы богу душу не отдал. Кто потрусливей, ноги в руки и в сторону, словно и не в курсе, что тут вообще происходит.

В какой-то момент Григорий затих на руках тащивших его ребят, впад в протрацию. Словно обеспамятел с открытыми глазами. Откинул безвольно повисшую голову, ни жив ни мертв. Колька, обливаясь слезами и умоляя потерпеть, мол, скоро уже, приподнял голову друга, да так и держал, пока тащили своего лидера к школе.

Григорий не без интереса изучал появившийся перед его мысленным взором интерфейс.

Внимание! Вы успешно прошли инициацию!

Самостоятельную инициацию способны пройти только гении.

Вы наделены даром «Художник».

Внимание! Дар без совершенствования практически бесполезен. Для максимальной отдачи необходимо его постоянное совершенствование.

А вот и характеристики:

Ступень – 0.

Опыт – 0/2 000.

Свободный опыт – 0.

Избыточный опыт – 0.

Свободные очки характеристик – 5.

Сила – 1,22.

Ловкость – 1,21.

Выносливость – 1,25.

Интеллект – 0,94.

Харизма – 1,05.

Сильный, ловкий, выносливый и... тупой! Он, конечно, ожидал чего-то подобного, но все же надеялся, что, вложив свободные очки, поднимется хотя бы до возможности поступления в ремесленное училище. Но вот получается, что в любом случае не дотянет. А это, как минимум, потерянный год.

По идее, даже будучи разнорабочим, за пару месяцев он все же сумеет подняться на одну ступень. Этого вполне достаточно, чтобы привести показатели Интеллекта в относительную норму. Но, чтобы качать опыт, ему придется поступать на работу, а меньше чем на год с ним никто заключать договор не станет.

К тому, что Харизма вроде как получилась заниженной, хотя Григорий и старался изо всех сил быть лидером, он от-

неся спокойно. Да, в школе он несомненный и непреложный авторитет, но это ведь ничего не значит. Скольких он знал ребят по прошлой жизни, которым в школе заглядывал в рот чуть не каждый мальчишка, а девчонки всячески заигрывали? И что с ними стало после школы? Большинство так ничего и не добились, прозябая на обочине жизни. Так что школьный авторитет ни разу не показатель.

Да и бог с ним. Тут главное – подняться из грязи, а там уж можно будет подумать и о Харизме. Итак, до следующей ступени – две тысячи очков. Интересно, а реально ли как-нибудь успеть заработать их до окончания набора в ремесленное училище? Ведь если его показатели будут соответствовать требованиям, то можно будет избежать целого года неквалифицированного труда.

Глава 3

Первые шаги

Он все еще изучал свой малоинформативный интерфейс, когда почувствовал какие-то изменения. Пропал загроможденный гомон ребятни. Его перестало раскачивать. Он почувствовал, как его положили, прислонив к чему-то спиной. Кажется, Коля пытался кому-то что-то втолковать, и тон у него такой... Отчаянно решительный, что ли. В ответ же послышался знакомый развязный голос, полный злорадства.

Григорий мысленно выругался. Мало ему счастья с этой паршивой инициацией, расстроившей его дальше некуда, так еще и творится не пойми что. Он отмахнулся от интерфейса, не поняв, как это у него собственно получилось, сфокусировал взгляд, осмотрелся.

Ребята посадили его в тени дерева, прислонив спиной к стволу. Сами же встали жиденькой стеной перед ним, закрывая от группы подростков. Шестеро против полутора десятков. Причем, судя по форменной одежде, заступившие путь были из реального училища и, как следствие, минимум на год старше.

— О! Гришенька, очнулся, родной! Давненько я ждал этой встречи.

— Андрюха, вот веришь, нет, никакого желания бить тебе

сегодня морду, – вставая на ноги, спокойно ответил Григорий.

Во рту – горечь от желчи. Голова, как ни странно, ясная. В теле ощущается прилив. Только на душе кошки скребутся. Понимал, что ему не светит, но надеялся, что все не так плохо. А тут еще и Андрюха Верхолетов.

Он на год старше и сейчас учится в реальном училище. Раньше-то он верховодил в их школе, но Топилин регулярно оспаривал у него пальму первенства, надо заметить, с переменным успехом. Не может Верхолет забыть былых неудач, да еще и имея перспективы занять куда более значимое положение в этом сословном обществе.

Реальное училище – это вам не фунт изюма. В деталях Григорий не знал, но одно было известно доподлинно: оно позволяло поднять «Науку» на вторую ступень, общее развитие – на пятую и, как следствие, заработать возрождение. Оно доступно с каждой пятой ступенью. Не бессмертие, но очень даже интересный момент. Ну и возможность перехода в мещанское сословие. Не обязательно, но без подобного о нем и мечтать не стоит.

Словом, зазорно Андрюхе, имея подобные перспективы, оставаться битым тем, кому по определению не подняться до такого уровня. Понятно, что все это ерунда и не стоит выеденного яйца. Пара-тройка лет, и все само встанет на свои места. Но кто в детстве и юношестве мыслит подобными категориями? В этом возрасте подавай справедливость и само-

утверждение незамедлительно.

– На-адо же... Нет настроения бить мне мо-орду. А коли у меня такое желание имеется, тогда как быть?

– Тогда быть тебе битым, – пожав плечами, просто ответил Григорий.

Вообще-то школьники переполошились вовсе не зря. Реальненские уже прошли посвящение и получили прибиток как к силе, так и к ловкости. К тому же они все уже должны быть на первой ступени, что также дает свои плюсы. Гришка оспаривал первенство у Андрюхи, когда тот еще учился в школе, теперь же Верховлетов должен стать чуть сильнее только из-за своего общего развития.

Правда, это вовсе не значит, что гимназисты да реальненцы всегда били школьников. Как бы не так. Те им нередко давали укорот. Не все же можно решить за счет прибитка. Обделенных разумностью боженька зачастую наделял недюжинной силой. Но стоявший перед ними и в школе обделен этой самой силой не был.

– О как! – делано изумился Верховлетов.

– Да, вот так. Давай, это только между нами. Мальцов не трогайте.

Парнишки, конечно, готовы драться, но их меньше. Так что, если завертится, быть им битыми. А какому вожаку хотелось бы такой участи для своей ватаги?

– А давай, – решительно произнес Андрей. – Парни, это только наше дело. Не лезьте.

Пригнул голову сначала к левому плечу. Потом к правому. При этом отчетливо хрустнули позвонки. Поднял руки в стойку кулачного бойца. А нет, это бокс. Точно. Он доступен лишь после первой ступени «Науки». Получается, голова у его противника по-прежнему работает хорошо. Только первый год обучения на исходе, а он уже приподнялся. Ничего удивительного в том, что и в училище не в шестерках бегает.

Григорий также встал в стойку и двинулся навстречу, не испытывая ни капли сомнений. Бокс, конечно, на голову выше уличной драки, но Верховлетов только начал изучать это единоборство и больших высот достигнуть не мог по определению.

Прямой в голову. Григорий уклонился и тут же оттолкнулся, отпрыгивая назад и изогнувшись дугой. Андрюхин кулак пронесся мимо, едва не попав Топилину по печени. Только и того, что взбил рубаху.

– У-ух ты! Андрюшенька, а ведь тебя, похоже, в училище чему-то там научили, – все время перемещаясь и играя всем телом, задорно произнес Григорий.

– Да ты подходи поближе, я тебе еще чего покажу, – стараясь скрыть свою обескураженность, произнес соперник.

Верхолетов уж успел подумать, что драка закончилась, так толком и не успев начаться, но вот жертва каким-то непостижимым образом в последний момент избежала неминуемой расправы.

Григорий не стал бегать и, едва только Андрей сделал шаг

в его сторону, пошел с ним на сближение. И вновь – удар в голову, который Топилин принял в жесткий блок. Повторный удар в печень Григорий предвидел, прикрыв бок прижатой согнутой рукой. Так что атака своей цели не достигла. Зато у него получилось контратаковать этой же рукой, снизу в челюсть. Опасный удар. Эдак можно и сломать ее. Но хруста вроде не услышал, а вот соперник сразу сомлел и сложился кулем прямо в дорожную пыль.

– Чистая победа! – вскинув руки, выкрикнул Топилин.

Вообще-то поспешил. Благодородство – оно для равных. А школьники реальненцам не ровня. Вот если бы здесь были гимназисты, тогда еще ладно. Словом, недолго думая, парни в форме кинулись на разношерстно одетую ребятню. И завертелось.

Григорий бил, пинал, кусал, кричал благим матом. Он понятия не имел, сколько это продолжалось. Когда наконец вновь себя осознал, на ногах оставался он один. Вокруг лежали его товарищи, а реальненцы бежали вдоль по улице, забегая в подворотни и перепрыгивая через невысокие заборы частных домов. К месту драки уже поспешал городской, оглашая улицу трелью своего свистка.

– Ребята, бежим! Да поднимайтесь же вы!

Вообще-то, пожелай городской по-настоящему кого-нибудь из них догнать, то непременно это сделал бы. Но его вполне устроило простое восстановление общественного порядка. Подростки дерутся часто, так что же теперь, всех

тащить в околоток? Взрослые тоже нередко лупцуют друг дружку. Дело-то житейское и где-то даже полезное. Главное, чтобы общие приличия соблюдались.

Они перемахнули через несколько огородов, неизменно штурмуя встречающиеся заборы. И откуда только столько прыти? Правда, если поймает городской, то на родителей непременно штраф наложат, а там и проштрафившемуся быть битым. Так что лучше уж бежать через «не могу».

Остановились беглецы, лишь когда достигли своей родной слободки, и повалились на землю. На ногах остались только самые стойкие. Да и то...

– Гришка, а чего это с тобой было? – упершись руками в колени и сплевывая тягучую слюну, поинтересовался Колька.

– Ты про что?

– Ну, тебе плохо стало.

– А-а-а. Ты об этом. Да кто его знает? Может, съел чего не то.

– Мы уж подумали, что тебя нужно к директору, для посвящения.

– Не. Рано еще.

– А может, ты... того?.. Одаренный? – предположил один из подростков.

– Ну т-ты как скажешь, Егорка! А чего сразу не святой? – хмыкнул Григорий. – Ладно, братва, айда по домам. Что-то так жрать хочется, что аж переночевать негде.

– Во. После посвящения завсегда жрать хочется. Верно говорю, – гнул свое тот.

– Ты на время-то посмотри, умник. И вообще, думаешь, я бы не заметил, кабы прошел через посвящение?

– Ну-у-у, вообще-то говорят, что такое заметишь обязательно.

– То-то и оно.

Домой Григорий вернулся голодный, как зверь. Но прежде чем войти в дом, направился к своей бочке, чтобы обмыться. Просто одного рукомойника будет явно маловато.

– Н-да-а, хорош, нечего сказать, – покачив головой, встретила его мать. – Хоть ты накостылял или самому по сусалам надавали?

– И сам, и самому.

– И кто тебя так?

– На реальненцев напоролись. Андрюшку Верхолетова я умыл. А там остальные навалились. Я-то устоял, а ребят по-валяли.

– Хоть не увечные? – всполошилась мать.

– Не. Сами ушли. Да еще и к вечеру сговорились гулять.

– Ох, мальчишки, мальчишки. Ладно, иди есть.

Пообедав, тут же поднялся к себе на чердак. Он бы и сразу уединился, но больно уж есть хотелось, прямо спасу нет. Обычное дело после инициации. Надо же, гений. Или, как их называли местные, одаренный, потому как Господь даром одарил. Впрочем, просвещенные умы отвергают религию в

целом и бога в частности, зато возводят на пьедестал Эфир, доставшийся людям в наследство от предтеч и являвшийся их созданием.

О гениях Григорию было известно до крайности мало, учителя не особо распространялись. Знал, что рождаются они чуть ли не один на миллион, а то и реже. Что любой боярский род из кожи вон вылезет, дабы сделать такового своим родовичем. Да что там, здесь и царский не поскупится. Не бывает такого, чтобы гении были на особицу, даже если они всего лишь гениально умеют вдевать нитку в иголку.

Именно по этой причине Топилин, или все же, скорее, Рудаков, не стал сознаваться ребятам в том, что прошел инициацию. Ему не улыбалось идти на службу к какому-то там боярину или еще к кому. Стать купцом, честно платить налоги, но при этом быть самостоятельным его устроит куда больше. Конечно, он давно не мальчик и понимает всю эфемерность абсолютной свободы, но уж относительную, в пределах определенных рамок, а то и чуть за ними, себе обеспечить всегда можно, да только не на службе.

Прилег на постель и попытался вызвать интерфейс. Ничего-то у него не получилось. Так бы ему помог характерник, то есть директор их школы, но сейчас предстоит разбираться самому. В безрезультатных попытках прошло не меньше получаса. Он пытался представить себе его таким, каким увидел сразу после инициации, найти хоть какой-нибудь значок, чтобы мысленно его активировать. Кнопку, на которую сле-

довало нажать... Хотя что-то... Но все безрезультатно.

В итоге он все же добился своего, но понятия не имел, как именно ему это удалось. С этим нужно что-то делать. Не доводить же себя каждый раз чуть ли не до иступления!

Обозрев интерфейс во второй раз, Григорий сообразил, что он не может быть порождением этого мира. Во всяком случае местные не могли его видеть в таком виде, уж слишком он чужероден для их восприятия.

На это же указывали названия характеристик. Сила и Ловкость, так и значились. Но уже Выносливость выпадала из общей картины. Потому что местные называли эту характеристику Терпением, Интеллект – Разумностью, Харизму – Авторитетом. Ну и ряд других особенностей, указывающих на то, что Система, или Эфир, подстроила форму подачи под конкретного пользователя.

Приняв это как должное, Григорий решил поискать настройки. Должна же быть такая опция? И она нашлась. Правда, он мог поклясться, что раньше этого значка не было. Или он не помнит? Не суть. Мысленно нажал на него и, покопавшись в меню, нашел нужное.

В верхнем левом углу появилась иконка с надписью: «выход». Нажал. И интерфейс тут же свернулся, а в левом верхнем углу осталась маленький прямоугольничек, который совершенно не лез в глаза. «Вход». Мысленно нажал на него. Вот теперь порядок. Идем дальше.

Итак, непрочитанные сообщения. Открыл. Хм. Весьма ла-

КОНЕЧНО.

Победа в поединке.

Открыта ветвь «Бой без оружия».

Получено новое умение «Уличная драка – 0».

Получено 15 опыта к умению «Уличная драка – 0» – 15/2 000.

Коллективная драка. Результат ничейный.

Получено 10 опыта к умению «Уличная драка – 0» – 25/2 000.

Получено 25 опыта – 25/2 000.

Получено 1 свободного опыта – 1.

Лихо. Его там чуть не прибили, а на выходе – всего-то двадцать пять очков! Хотя грех жаловаться. Батя на верфи целый день машет молотом, зарабатывая всего-то по пятьдесят опыта. А тут подрался – и р-раз, четвертачок упал. Хотя сомнительно, чтобы все было так-то просто. Иначе мужики дубасили бы друг дружку не переставая.

Хотя, где столько здоровья набраться на такой заработок? Тут ведь и самому получить можно. Но ведь батя откуда-то разживался опытом, когда начинало припекать? Правда, битым Григорий его ни разу не видел. Так ведь и Иван Васильевич – мужик далеко не скромных статей, и рука у него тяжелая. Проверено, как говорится, на себе. И это отец не со

злости, а только науки для.

Вообще-то можно было бы поинтересоваться процессом и заблаговременно, но вот сгруппировал. Думал, при инициации характерник ему все разъяснит уже доподлинно. То, что давалось на занятиях, было как-то скудно. А тут еще и слабая обучаемость Григория... Может, оно и разъяснялось, но у него находилось множество других более важных дел. Дубина стоеросовая. Вроде взрослый мужик и старается держать молодого бычка в узде, да только все без толку.

Ладно, с этим он еще разберется. А что это за циферки в скобках в названии умений? Похож, они соответствуют его уровню, ну или ступени, без разницы. Если судить по цифрам, прогресс точно такой же, как и у ступеней.

Что там дальше в интерфейсе?.. Посторонние люди могут видеть характеристики только в двух случаях. Первый – это характерники. Им не нужно никакого позволения. Глянул на тебя особым образом и увидел всю твою подноготную. Второй – по твоему пожеланию. К примеру, при заключении договора ты открываешь работодателю доступ к своей Сути – так у местных называются основные характеристики.

Интересно, а можно ли как-то скрыть иконку, отображающую его гениальность в области рисования? Полез опять в настройки. Без понятия, был ли тут этот пункт, но теперь он его наблюдал. «Позиции, отображаемые в интерфейсе». Убрал галочку напротив иконки «Гениальный художник». Вернулся в интерфейс. Чисто. Устраивает.

В принципе, на этом все. Кроме одного-единственного умения «Уличная драка», больше у него там ничего и нет, так что и разбираться не с чем. Получается, он жизнь начинает с чистого листа.

Стоп! А пять свободных очков характеристик, которые у местных очками надбавок называются? Недолго думая, во-гнал их все в Интеллект. До единички не дотянул. Н-да, с этим он пока ничего поделать не может, но будет работать в этом направлении.

Свернул интерфейс и, сам не зная отчего, взялся за доску для рисования. Вооружился мелком и крупными штрихами нарисовал кульминацию своего поединка с Андреем. Вышло, конечно, грубовато, но вполне узнаваемо. И тут же перед взором побежала строка:

Выполнен эскиз мелом.

Получен новый навык «Художник-0».

Получено 5 опыта к навыку «Художник-0» – 5/2 000.

Получено 5 опыта – 30/2 000.

Получено 5 свободного опыта – 6.

Вот так. Значит, «Художник» стоит особняком и является навыком. Открыл интерфейс. Умение по-прежнему одно, и это «Уличная драка». А вот навыков нет. Влез в настройки, сделал видимым «Гениального художника». А вот теперь к умению добавился и навык «Художник». Повторил манипу-

ляции, и картина восстановилась. Но заработанные очки так никуда и не делись.

Это что же получается... Гениальность – его постоянный бонус, который приносит равнозначное количество обычно-го и свободного опыта. Та-ак. А если попробовать по-другому...

Он вооружился листом бумаги и карандашом. Посидел, подумал пару секунд, махнул рукой и начал рисовать корову. Пеструшка получилась вполне узнаваемой, а само изображение – более детальным, чем мелком, что, в общем-то, вполне объяснимо. Есть!

Выполнен эскиз карандашом.

Получено 7 опыта к навыку «Художник-0» – 12/2 000.

Получено 7 опыта – 37/2 000.

Получено 7 свободного опыта – 13.

Взглянул на рисунок, сравнил с изображением на доске. Вообще-то корова получилась куда качественнее. Он бы даже сказал, гораздо. Но Система, или Эфир, или Господь, наконец, тут уж кому что нравится, выдали за это сущую мелочь. Больше, конечно, но все же невероятно мало. Хотя не стоит жаловаться.

Пять минут с мелком в руке – и у него пять очков в кармане. Десять минут с карандашом – и ему упало семь. Причем начисляется вдвойне – как на развитие навыка, так и

свободным опытом. А уж его-то можно вложить вообще куда угодно. Теоретически. Как оно на практике, нужно будет еще разобраться.

Григория вдруг осенила догадка, и он сбежал вниз по лестнице. Обычно парень берег одежду и для тренировки надевал что-нибудь старое. Но тут просто не удержался. Выбегав на хозяйственный двор, он начал выполнять гимнастические упражнения. Закончив комплекс, переместился на перекладину. И дальше – по кругу.

А ведь все делается куда легче. И подтянулся он больше, и самодельная штанга чуть не взлетает в его руках. То-то ему показалось, что в драке с Андреем и позже, когда бился с его подручными, он был более быстр, ловок, силен и вынослив. Еще и при бегстве едва не на себе пер Кольку. Получается, после инициации в дело вступили столь упорно зарабатываемые коэффициенты, или, по-местному, прибыль.

Вот и простыня сообщений побежала, от которой он отмахнулся. Потом разберется во всем этом. А пока...

Он подступился к парусиновой груше и начал колотить по ней, используя давно заученные приемы. Далее пришло время манекена для отработки различных бросков. Проведя полную тренировку и, по обыкновению, изгваздавшись, Григорий открыл интерфейс.

Открыта ветвь «Физподготовка».

Получено новое умение «Гимнастика-0».

Получено 5 опыта к умению «Гимнастика-0» – 5/2 000.

Получено 5 опыта – 42/2 000.

Получено новое умение «Приемы самообороны – 0».

Получено 5 опыта к умению «Приемы самообороны – 0» – 5/2 000.

Получено 5 опыта – 47/2 000.

Получено 1 свободного опыта – 14.

И это все?! То есть час изнуряющей тренировки принес ему даже меньше, чем каких-то пятнадцать минут рисования? Да это издевательство какое-то! Зато теперь у него значилось три умения, которые он мог развивать и совершенствовать.

– Гришка, бестолочь эдакая! Ты что же такое творишь-то! Всю одежду изгваздал! Нешто тебе старых вещей не хватает! – раздался возмущенный голос матери, появившейся на заднем дворе.

И ведь что примечательно. Полтора часа назад, когда он вернулся домой не менее грязный, да еще и побитый, она и слова не сказала. Где-то даже во взгляде промелькнула гордость за сына. А тут уже осматривается в поисках чего поувесистее, чтобы поучить уму-разуму.

Гришка бросился мимо матери в надежде проскочить, избежав наказания. Но она к тому моменту уже схватила метлу и обрушила ему на спину черенок. Прилетело больно, но па-

рень и не подумал сопротивляться, хотя пожелай он, и мать ничего не смогла бы с ним поделать. Но у него подобной мысли даже не возникло, а ведь матерью он ее по-настоящему так и не воспринимал.

Глава 4

Побег

Итак, он гений. Желанный кандидат в родовичи любого знатного рода. Теоретически он даже сам может выбрать, к кому прислониться. Заявиться к любому чиновнику или родовому и показать свои характеристики, ну или Суть, помещному. Вот и все. Иное дело, что ему, конечно, нравится рисовать, только он не видит холст и краски делом всей своей жизни. А любой род будет акцентировать внимание на развитии именно этого навыка. Желания же пахать на дядю у Григория никакого.

Как показывает его небольшая практика, за месяц он вполне способен развиваться до первой ступени. Вон, пока думает над жизненными перипетиями, успел сделать еще пару набросков мелом и получить свои десять очков. Итого за сегодня он уже заработал пятьдесят семь общего опыта и двадцать четыре свободного.

Так что набрать пару тысяч очков и получить первую ступень вообще не проблема, после чего можно с легкостью поступить в то же ремесленное училище, которое позволяет вырасти уже до четвертой ступени. Процесс обучения не быстрый, займет пару лет, за которые он успеет накопить опыта для повышения Интеллекта до нужных значений и

взять планку реального училища. Тем более, что с его «Художником» оплатить обучение он сможет и сам.

Выглядит все стройно и логично, но лишь на первый взгляд. Он самостоятельно прошел инициацию, тогда как другим для этого нужны услуги характерника, так что этот факт ему не скрыть. Уже завтра директор школы будет знать, что он гений, а таких тут сразу же прибирают к рукам. Того и гляди, боярин Морозов еще и подарит князю Тактакову или кому из царского рода. Его, Рудакова Бориса Петровича, будут передавать из рук в руки, как какую-то ценную безделушку!

Может, он себя сейчас и накручивает, но в любом случае идти на службу к какому-нибудь роду он совершенно не желает. Обойдутся они и без него. Он всегда был сам себе хозяин, и то, что у местных считалось едва ли не пределом мечтаний, ему не подходило категорически.

Ну и какой выход? Остаться здесь и плыть по течению? Вообще не вариант. Его вычислят уже завтра и сделают предложение, от которого он не сможет отказаться. Совершеннолетие у местных – с шестнадцати лет, как и получение паспорта. Как на заводе пахать, так... Ладно, не суть.

Есть вариант сделать фальшивые документы. Преступность и в этом мире вполне процветает. Более того, Григорий знает одного мастера по подделкам, как и того, кто может рекомендовать ему Топилина. Тем более, выглядит он старше своих лет. Но умелец этот задаром работать не ста-

нет, а услуги его стоят дорого.

Так что только бегство. Вариантов несколько. Первый и самый очевидный – это пассажирский пароход ближнего сообщения. Там документов не требуют, но за проезд нужно заплатить, а денег у Григория нет. Контрабандисты тоже отпадают. Эти бесплатно палец о палец не ударят. Остается какой-нибудь вольный капитан или купец.

Правда, в этом случае выходила все та же кабала, да еще и за грошовое жалование, такое мизерное, что разве только ноги не протянешь. Но перекантоваться годик все же можно. А там уж с должным образом оформленными документами – на берег. Ну или на другой корабль. Здесь, считай, вся жизнь в той или иной мере крутится возле кораблей. Материков нет, одни сплошные острова. Большие, маленькие и совсем крохотные.

Итак, нужно решать. Бежать – с большой вероятностью найти себе на пятую точку кучу приключений и проблем. Или направиться напрямик к боярину Морозову. В последнем случае есть вариант, что Гриша уже сегодня будет ночевать в боярской усадьбе. Ну или определяют в самую приличную гостиницу. Хотя это вряд ли, гения ведь и выкрасть могут.

Пойти на службу, а потом дать деру. Не пойдет. Клятвопреступники в этом мире не в чести. Таким здесь подняться практически нереально, и мало найдется желающих иметь с ними дело. предавший раз предаст снова, и все в том же ду-

хе. Тут народ вообще на чести помешан. Редко, но все же случается, что и миллионные сделки проворачивают, просто ударив по рукам. И вообще. Без должной крыши его все одно кто-то приберет к рукам. Ну не бывает тут гениев на вольных хлебах!

Да. Вариант с вольным капитаном – самый предпочтительный. Приняв наконец решение, Григорий расплылся в довольной улыбке и отставил на вытянутых руках доску с очередным наброском. Система, Эфир, Провидение тут же отозвалась соответствующим логом:

Выполнен эскиз мелом.

Получено 5 опыта к навыку «Художник-0» – 27/2 000.

Получено 5 опыта – 62/2 000.

Получено 5 свободного опыта – 29.

Мелочь, конечно, но приятно. Опять же, это с какой стороны посмотреть. Как по его возможностям, то результат более чем впечатляет. Эдак он скоро получит первую ступень, а там можно будет и к обучению приступить. Кстати, такая возможность на кораблях имеется. Подавляющее большинство независимых капитанов и их офицеров поднялись именно снизу.

При мысли об этом у Григория даже кровь быстрее заструилась по жилам. Море и корабли. Ими грезили все мальчишки. Правда, это вовсе не значило, что вакансии в экипа-

же были неизменно заполнены. Юношеская восторженность скоро проходит, и на первый план выходят тяжкий труд моряка и прижимистость капитанов. Именно об этом-то он и не подумал. Наоборот, план ему показался просто идеальным.

Приняв решение, Топилин полез в свой тайничок, устроенный за вынимающимся кирпичом в кладке дымохода. В небольшой нише обнаружился тканевый кисет, сшитый им самолично. Ну или, если хотите, древний кошель, потому как там были сложены его сбережения. Не так чтобы и много, всего-то один рубль двадцать пять копеек. Но все познается в сравнении. Для Григория это были серьезные деньги.

Глянул на светлое пятно от слухового окна. Часов шесть вечера. Если поторопится, то еще успеет в книжную лавку. Коль скоро с наставником у него намечаются кое-какие проблемы, придется просвещаться самостоятельно. Сомнительно, конечно, чтобы на начальном этапе из этого вышел толк. Но, во-первых, хоть что-то, но получится понять. А во-вторых, когда получит первую ступень, то и с усвоением изучаемого материала станет лучше. По идее, прогресс должен быть даже сейчас.

Переделся в чистое и сбежал вниз. В голове тут же пронеслось сравнение с корабельным трапом. Мысленно он уже бороздил дальние моря, причем стоял на капитанском мостике и непременно у штурвала. А то как же!

– Ма, постираешь рубаху и порты?

– Вот еще. Скинь в корзину. Завтра стирать буду.

– Ма, ну постирай.

– Нечего было пачкаться, как порося.

– Ма, ну после реальненцев все одно уж изгваздано было.

А мне завтра в школу.

– У-у-у, бестолочь. И за что мне только это наказание! Давай уж.

– Ма, а у тебя Разумности сколько? – неожиданно даже для себя спросил Григорий.

– А тебе зачем? – удивилась она.

– Да так. Любопытно. Посвящение же скоро.

– Плохо у меня с Разумностью, оттого и в ткачихи не выбилась, – вздохнула мать. – Четверти не хватало. Даже если бы всю свою надбавку как есть положила, все одно не достало бы.

– А у бати?

– И у бати, почитай, так же. Да и у многих наших соседей не лучше. Мы с Ваней думали, что хоть детки в люди выбьются, да только яблоко от яблоньки не далеко падает. Разве только Петька чего достигнет. Эх, коли б тебе его Разумность, то дело иное. Ты у нас упорный, не чета иным в слободке. Но, может, Господь еще и смилостивится да одарит тебя. Бывает такое, правда нечасто. Вон, Андрюшке Верховову ведь свезло. Мамка его давеча в лавке похвалялась. Ладно, беги. Дружки уж заждались поди.

Вот оно, значит, как. Получается, что она не стала ругаться, когда он вернулся, из-за того, что он набил морду Верхо-

лету. В любой матери разыгрывается, когда ее чадушко принизить хотят. А Андреева мать, похоже, хвасталась через край.

Григорий точно знал, что его извечный соперник особыми успехами в учебе похвастать не мог, и был сильно удивлен, когда оказалось, что он соответствует параметрам реального училища. Выходит, часто повторяемые слова старших о щедрости Господа вовсе не на ровном месте и не пустые чаяния. Случается такое. Может, Система, ему все же ближе это название, таким образом подбрасывает одаренных личностей? Точного ответа на этот вопрос не даст никто, даже признанные профессора всего лишь выдвигают теории.

Размышляя об этом, Григорий быстро шел по вечерним улицам города. Вскоре за спиной осталась рабочая сторона и пошли мещанские да купеческие подворья. Несколько кварталов – и их сменили двухэтажные каменные дома со съемными квартирами. Здесь по большей части проживают разночинцы, хотя уже встречаются и выслужившие дворянство. Потомственные проживают ближе к центру, в собственных усадьбах или в доходных домах, но уже с куда лучшими условиями. Там же находятся и присутственные места, как боярина Морозова, так и царские.

Григорию в центр без надобности. Вон она, книжная лавка. Примостилась на первом этаже среди ряда других магазинов. Под жилье отведен второй. Зачастую там проживают и владельцы, а вернее, арендаторы магазинов. Кто же в добром уме продаст недвижимость, приносящую стабильный доход?

Ведь бывает, один и тот же магазин снимает не одно поколение лавочников. Деньги-то у них, чтобы поставить свою лавку с домом, скорее всего, имеются, но ведь важно, чтобы эта лавка еще и в правильном месте была. Вот и получается, что средства вроде бы и есть, а своего угла нет.

Григорий открыл дверь, и тут же раздалась трель колокольчика. На звук обернулся хозяин, седовласый лысоватый старик. Он в этот момент ставил на полку какую-то толстую книгу. Приметил мальчонку явно из рабочих и отвернулся, продолжив свое занятие.

Григорий откровенно удивился такой беспечности. А ну как он схватит книгу с полки и даст деру? Но, похоже, старик знал свое дело и умел сходу оценить покупателя. Результат многолетнего опыта общения с людьми.

— Ну-с, молодой человек, и чем я могу быть вам полезен? — видя, что малец не направляется к полкам, а терпеливо ждет, когда хозяин освободится, поинтересовался старик.

— Мне бы книгу по Сути человеческой.

— Ага. Прошел посвящение или только предстоит?

— Прошел. И хочу разобраться.

— А что же характерники даром свой хлеб едят? Из какой вы школы, молодой человек?

— Не-не, директор у нас дело свое туго знает. У него не забалуешь, и разъясняет он все с толком. Просто нас ведь у него много, а вопросов у меня еще больше.

— Это не повод, чтобы ваш директор относился к своим

обязанностям халатно. Ладно. Это не мое дело, а Департамента образования. Итак, какая книга вас интересует? От духовных отцов о божьей Сути рабов божьих? Или научные труды о Сути человека и его взаимосвязях с Эфиром?

– Э-эм...

Вроде и ясно все говорит лавочник, но Григорий отчего-то растерялся. Пожалуй, он просто не знает, что выбрать. Ч-черт. Он действительно никак не может определиться, что лучше.

– Ну же, молодой человек, – подбодрил его лавочник.

– Гхм, – нарочито выпрямился Григорий, расправляя плечи. – Мне бы так, чтобы по-простому, но понятно.

– Сколько Разумность? – напрямую спросил лавочник.

– Было девяносто четыре.

– А сейчас?

– Девяносто девять.

– Значит, все в Разумность вложил?

– И дальше вкладывать буду, – упрямо пробурчал юноша.

– Похвально, молодой человек, похвально. Вот. Эта книга будет вам наиболее понятна и сейчас, и после бесполезной не станет.

– И сколько?

– Один рубль пять копеек. Понимаю, молодой человек, дорого. Но поверьте, она того стоит, – видя, как нервно сглотнул покупатель, заверил лавочник.

– Давайте, – после непродолжительной заминки все же ре-

шился Григорий.

Вообще-то он рассчитывал уложиться копеек в шестьдесят, а на сорок купить блокнот для рисования, карандаши и пару стирательных резинок. Коль скоро именно карандашные рисунки оцениваются системой дороже, так отчего бы и не вложиться в них? Но книга вышла дороже запланированных им общих расходов. На оставшиеся деньги, конечно, можно было еще купить пару тетрадок и карандаш, а стирать рисунки хлебным мякишем. Но тогда он и вовсе останется без денег.

Хорош беглец! Никакой подготовки. Может, ну его, дурую маяться? Едва эта мысль пронеслась у него в голове, как перед взором предстала морская гладь, ветер, упруго дующий ему в лицо, и форштевень, несущий впереди себя бурун. А в противовес – светлая комната с большими окнами, выходящими в сад, и он, с постным лицом стоящий у мольберта. Да ну!

Вернувшись домой, Григорий первым делом полез в чулан и тайком вынес оттуда отцовский парусиновый вещевой мешок, выдавший виды, истертый и запыленный, но все еще крепкий. Выйдя в огород, он его хорошенько выбил. Оно бы постирать не помешало бы, но времени сушить совсем нет. Хорошо хоть мамка одежду уже простирнула. На улице по-майски тепло, дует легкий ветерок, так что вскорости если и не высохнет окончательно, то уж точно будет только чуть влажной. Не страшно. Потом досохнет.

Поднялся к себе на чердак и провел ревизию своего имущества. Прямо сказать, небогато. Ну да чего уж... Есть пара сменного нательного белья, рубаха да порты, что сейчас на веревке болтаются. Он их потом забросит. На всякий случай на дно мешка уложил суконное казенное одеяло, изрядно потертое и списанное с какого-то корабля или флотского экипажа. Это батины дела, несколько штук откуда-то приволок. Может, с Разумностью у него и не очень, но мужик он хваткий и домовитый.

Далее завернул в чистый лоскуток краюху хлеба, кусок сыра, да шмат сала. Если есть не от пуза, то припасов дня на три хватит. Кто его знает, как оно обернется и получится ли сразу устроиться на корабль. Вдруг придется по зарослям ивняка прятаться? Тогда вот и жестянку надо прихватить с рыболовными принадлежностями. Нужно будет еще соли в спичечную коробку набрать. Яиц бы отварить, но это тайком от матери уже не провернуть. Ничего, и так не пропадет.

Уложил и все свои письменные принадлежности вместе с купленной книгой. Подумал немного и отправил в мешок свою доску для рисования. Благо мелков он натаскал из школы изрядно. Пристроил ее так, чтобы она пришлась на спину. Вообще-то получилось неудобно, понадобилось все по новой перекладывать, и мешок едва-едва удалось завязать. Но оно того точно стоило. Ему имеющегося мела хватит очков на двести. А это ой как немало, учитывая, что в общем они составят все четыреста.

Из дома он выбрался, когда ходики отбили десять. К этому времени все домашние уже улеглись спать. Уходил как вор, но при этом не чувствовал никаких угрызений совести. Родителям, конечно, тяжело, но не настолько, чтобы они едва сводили концы с концами. Да и не чувствовал он с ними родства. Благодарность, уважение, где-то даже любовь, но родными они ему так и не стали. Ну чисто подкидыш.

Впрочем, выйдя из калитки и обернувшись на небольшой дом с темными окнами, он пообещал себе, что не забудет их и станет им помогать. Не постарается, а непременно станет. Как и насколько, он пока представлял смутно, но верил, что обязательно добьется успеха.

Пройдя под лай собак по улицам слободки, он миновал мещанские кварталы и повернул к порту. На смену приличным районам вновь пришли небогатые. Порт – он на любом острове порт. Морякам после перехода нужно где-то отдохнуть, развеяться, выпить да отвести душу. Ну и с девкой какой провести время, сбросить, так сказать, давление пара. А жалование у них большим никогда не было.

Вот и тянется к любому из портов улица, изобилующая дешевыми заведениями. Кабаки, рюмочные, дома терпимости самого низкого пошиба. Вывески так себе, нарисованные вкривь и вкось, которые, наверное, должны бы не привлекать клиентов, а скорее, отпугивать. Ну и извечный шум.

Пьяные моряки в одиночку и группами шатаются от одного злачного заведения к другому. И чем меньше в карма-

не звенит монет, тем ближе к порту подбираются прожженные морские волки. Заведения становятся дешевле, а шлюхи – потасканнее. Самых пропащих можно встретить у пирсов. Про них говорят, что их море манит, потому как конец, почитай, у всех один. Тела утопленниц потом вылавливают городовые и свозят в мертвецкую. Следствие по таким делам не производится, если только нет какого ранения.

Морозовск – относительно небольшой город с населением тысяч в пятьдесят. Еще примерно столько же разбросано по селам да поселкам острова. Так что крупным порт тут не мог быть по определению, как и грузооборот. А, как известно, спрос рождает предложение. Словом, улочка, ведущая к порту, не особо изобиловала заведениями.

У самого порта – четыре рюмочные, друг напротив дружки. Один-единственный трактир. Напротив – публичный дом. Может, вскорости и добавится заведений в связи с появлением в дружине боярина броненосца, потому как и число морячков подрастет. Но это вряд ли. Скорее уж старые расширятся.

Григорий направился напрямиком в трактир. А где еще можно было найти боцманов, как не в трактире? Наливайка им по статусу не положена. Еще могли забрести в публичный дом. Но туда уж Гришке ходу не было. Туда клиента никто на порог не пустит, пока он не предъявит деньги. Такое место, что и за погляд берут.

В порту стояли сразу два угольщика, причем оба принад-

лежали независимым капитанам. Как раз то, что нужно. Шел Григорий сюда вовсе не бездумно. Иное дело, есть ли у них потребность в морях и найдет ли он боцманов с тех калош. Ну вот не производили они впечатления красавцев, рассекающих морскую гладь, даже в его радужно восхищенных глазах.

– Тебе чего, малец? – приметив его, поинтересовался трактирщик.

Высокий крепкий мужчина за стойкой протирал относительно чистым полотенцем очередную рюмку. На парня он взирал с явным недоумением. Шпана, конечно, захаживает к нему, не без того. Но этот не похож на ступившего на кривую дорожку.

– Здорово, Кирилл Степанович, – сняв картуз, поздоровался Григорий.

Вообще-то, ломать шапку перед этим типом, не по чину. Трактирщик, да еще и наверняка не поднявшийся выше третьей ступени. Но Топилин решил потешить его самолюбие, просто потому что нуждался в его помощи. А этот если и не поможет, то, глядишь, и городского не позовет. Это в крупных городах полиция с наступлением темноты не суется в порт. В Морозовске все попроще и вес полиции куда больше.

– Знаешь меня? – вздернул бровь трактирщик.

– А то как же, чай, городской.

– Ну-ну, – явно польщенный, многозначительно произнес тот. – Так чего надо-то? На продажу чего приволок? – кивая

на мешок, поинтересовался трактирщик.

— Не. Я на корабль наняться хочу. Не поспособствуете советом, к кому обратиться?

— Эка. Ты бы сначала заказал чего, а там уж и совета испрашивал.

— Да у меня денег-то всего двадцать копеек. Как присоветуете боцмана, так я и расстараюсь, его угощу, и вам прибыток малый сделаю.

— Ох горе мне с вами, неслухами малолетними. Вишь, в углу сидит здоровенный детина?

— Ага.

— Боцман с угольщика «Морж». К нему и ступай.

— А он справлялся о найме?

— Да у вольных всегда не хватает моряков. Это дело известное. Так что должно выгореть. Опять же, боцман со второго корабля пошел курочек топтать. А других кораблей у нас в порту и нет.

— Понял. Благодарствуйте.

— Ага. Как уговоришься, кликни полового. Он на твои двадцать копеек и принесет угощения. Не бойсь, малец, все будет без обмана. Ступай с богом.

Григорий похрустел шеей и двинулся через просторный зал на дюжину столов в нужном направлении. Остановился перед дюжим мужиком с пышными усами и бакенбардами, увлеченно грызущим соленые баранки, и помял в руках картуз.

– Ну, чего стоишь, как истукан. Сказывай, чего надо, или проваливай, – произнес боцман и отпил пиво из большой стеклянной кружки.

– Дядечка, я матросом наняться хочу. Нет ли у вас на корабле мест свободных?

– Эка. Вот так сразу. Возьмите меня в моряки. А что ты умеешь, малец?

– Я только недавно прошел посвящение, но к наукам способен.

– Способен он. Ну покажи, какой ты способный. Ну чего стоишь истуканом? Суть свою покажи.

– А. Ну да, – спохватился Григорий и предоставил боцману доступ.

Ступень – 0.

Опыт – 90/2 000.

Свободный опыт – 2.

Избыточный опыт – 0.

Свободные очки характеристик – 0.

Сила – 1,22.

Ловкость – 1,21.

Выносливость – 1,25.

Интеллект – 0,99.

Харизма – 1,05.

Умения – 3.

Навыки – 1.

– Хм. А говоришь, способный, – с недовольной миной произнес боцман.

– Дядечка, ты на Разумность не гляди. Там всего-то единички не хватает. Но я быстро доберусь до первой ступени, – с самым искренним видом заверил Григорий.

Чтобы не вызвать подозрений избытком свободного опыта, Топилин практически весь вогнал в рост ступени, распределив очки между умениями. Правда, показатели все одно не впечатляли. Нет, если взять во внимание, что это результат всего лишь неполного дня, то оно конечно. Вот только говорить об этом как-то не хотелось.

– Ладно, сынок. Твое счастье. Есть у меня свободное место. Быть тебе моряком на нашем «Морже».

С этим словами боцман выложил на стол свою кожаную сумку и извлек из нее уже готовый бланк договора и перьевую ручку-самописку. Дорогая вещь! В лавке стоила целых полтора рубля.

– Как звать-то?

– Рудаков Борис Петрович, – без заминки представился своим прежним именем Григорий.

– Ага. Ну так, стало быть, и запишем, – вписывая имя, произнес боцман. – Читай и подписывай, – протянув ему бумагу и ручку, велел наниматель.

Григорий начал было читать, но под внимательным взглядом бывалого моряка ему стало как-то неуютно. Словно

недоверие ему выказывает, по привычке вчитываясь в каждое слово и вглядываясь в запятые. Да и чего он там хочет рассмотреть и понять? Смысл все одно ускользает и не задерживается в голове. Не он первый, не он последний. Тем более, что договор явно стандартный.

Поставил свою подпись, отдал бумагу теперь уже своему начальнику. Обернулся и, найдя взглядом полового, подал ему знак. Тот, уже проинструктированный трактирщиком, вскоре появился с подносом, на котором примостились два кувшина с пивом да блюдо с солеными баранками. Боцман на это только степенно кивнул, явно одобряя действия подчиненного.

Глава 5

Кочегар

– Гаврюшев.

– Я.

– Спиридонов.

– Я

– Топилин. Так. Кто знает, где Топилин? – Учитель обвел класс внимательным взглядом. – Гаврюшев, вы же соседи.

– Так не знаю я, где он. И вечером вчера гулять не вышел, и сегодня я его не видал. Тетку Марфу спросил, так она сказала, чтобы шел в школу, не до меня ей.

– Так может, он вчера посвящение прошел, – предположил один из ребят.

– При чем тут посвящение? – удивился учитель.

– Клим Васильевич, Гришке вчера плохо стало. И голова кругом, и тошнило сильно. Думали и вовсе помрет. Почитай, все от страха разбежались, – сверкающий фингалом паренек с явным неодобрением обвел взглядом класс. – А он ничего. Оклемался. После еще и Верховлету морду начистил.

– А может, он одаренный? – чуть не с придыханием произнесла сидевшая за первой партой девчушка.

Все знали, что она по Гришке сохнет, да только он на нее внимания не обращал. Правда, и сам не обижал, и другим в

обиду не давал. Сказывал, что она его друг и коли кто что удумает, башку оторвет. Потому как за друзей он горой.

– Скажешь тоже, одаренный. Это в нашей-то рабочей слободе? – хмыкнув, возразил все тот же подросток с подбитым глазом.

– Тихо, – хлопнув ладонью о столешницу, пресек учитель поднявшийся было гомон. – Все сидим тихо. Я сейчас вернусь.

Выйдя из класса, он направился напрямик в кабинет директора. Тот обычно уроки не вел, взвалив эту почетную обязанность на своих подчиненных. Разве только подменял кого в случае болезни. Все ведь люди и под богом ходят. Но на рабочем месте присутствовал всегда. Мало ли, вдруг нужно будет кого из учеников провести через посвящение? Никто, кроме него, в этой округе талантом характерника не обладал.

– Позвольте войти, Вильгельм Альбертович? – постучавшись, приоткрыл дверь учитель.

– Разумеется, Клим Васильевич. Что-то случилось? Почему вы не на уроке?

– Дело в том, что Топилин Григорий сегодня не явился в школу. Дети говорят, что ему вчера было дурно и его даже стошнило. А потом он полностью оправился и даже дрался с мальчишками.

– Думаете, он одаренный? – тут же подобрался директор.

– Вывод напрашивается сам собой, но...

– Понимаю. Однозначно это утверждать нельзя. Вот что, пригласите-ка ко мне Уступова, – поднимаясь со своего места, попросил директор.

И, уже не глядя на отправившегося к выходу Васина, пошел к открытому окну. Осмотрел школьный двор и, приметив движение у одной из хозяйственных построек, позвал:

– Егорыч!

– Да, Вильгельм Альбертович, – тут же отозвался появившийся в дверях мужчина средних лет с окладистой бородой.

– Разводи пары, мне нужен паромобиль.

– Сами поедете или мне собраться?

– Сам управлюсь.

– Сию минуту, все будет исполнено, – деловито кивнув, заверил школьный завхоз и на все руки мастер.

– Вызывали, Вильгельм Альбертович? – вошел в кабинет учитель физкультуры.

– Вот что, Андрей Геннадьевич, забирайте четвертый класс и проводите с ними физкультуру. А если мы с Климом Васильевичем не успеем вернуться, то и следующим уроком.

– Но у меня будет третий класс.

– Значит, проведете с двумя.

– Я все понял. Можно идти?

– Идите. А вы, Клим Васильевич, извольте со мной.

– Позвольте, я только трость со шляпой заберу из учительской.

– Непременно.

Когда они вышли на крыльцо, паромобиль марки «Опель» уже стоял у парадного, посвистывая, как кипящий чайник со свистком. Своим видом он походил на обычную легкую пролетку со складывающимся верхом. Разве только колеса из гнutoго стального обода, тонких спиц и на резиновом ходу. Впереди – капот, под которым расположился трубный котел. Сама паровая машина – под днищем коляски.

Не самая последняя модель, ибо не по карману, но служит своему владельцу уже добрых три года. А главное, никакая лошадь не сравнится с ней ни в скорости, ни в плавности хода. Продукт научно-технического прогресса! Хотя норов, конечно же, порой выказывает, не без того. Но на то есть Егорыч, который с помощью директора освоил специальность механика.

Михалев без тени сомнений сел за руль паромобиля и, как только Васин пристроился на пассажирское сиденье, выжал педаль акселератора. Автомобиль тяжело вздохнул, на мгновение окутавшись облачком пара, выметнувшегося из-под днища, и плавно тронулся с места, хрустя покрывками по гравию, покрывающему двор. Еще секунда – и он покати́л в сторону ворот, поднимая за собой облако пыли.

Классные учителя непременно знали не только своих учеников, но и их родителей. Бывали у них дома и были в курсе семейных дел. Таковы требования. Опять же, все они были связаны с боярской полицией и царским корпусом жандармов. Поэтому Васин прекрасно знал дорогу и показывал ее

Михалеву.

Едва остановились у нужного двора, как их тут же окутало пыльное облако. Единственное неудобство большой скорости автомобиля – вот эта самая пыль. В лимузинах данная проблема решена за счет закрытого и герметичного салона.

Правда, стоит такой красавец столько, что на Морозовском их только три. И все – на подворье боярина. Могли бы, конечно, купить еще и заводчики с парой купчишек, но не по Сеньке шапка. Для начала неплохо бы дворянским званием обзавестись, а уж потом кичиться своим состоянием. Так что тоже обходятся моделями попроще.

На сигнал клаксона вышла моложавая женщина. Едва увидев гостей, она поспешила отозвать дворового пса и открыть калитку, приглашая их в дом. Директор держался без чванства. В конце концов, ему с этим контингентом приходится работать на протяжении многих лет. Да и дом этот, в отличие от многих других, выглядит ухоженным.

– Марфа Андреевна? – уточнил Михалев, оказавшись в доме.

– Да. Я это, – пребывая в растерянности, произнесла женщина.

– Я директор школы.

– Я знаю, Вильгельм Альбертович.

– Сегодня Григорий не пришел в школу. Я хочу, чтобы вы понимали: у вашего сына сейчас весьма ответственный период. Ему почти четырнадцать, и процесс посвящения мо-

жет начаться совершенно неожиданно. У всех он протекает по-разному. Именно по этой причине мы поощряем у старшеклассников спортивные игры на территории школы после уроков. Так они дольше остаются неподалеку от меня, чтобы я вовремя успел им помочь. По этой же причине я подолгу нахожусь в школе, а завхоз всякий раз точно знает, где меня можно найти.

– Я понимаю, – кивая в такт словам директора, произнесла женщина.

– Это хорошо. Так где же Григорий? Признаться, меня беспокоит факт его пропуска.

– Так если бы я знала, Вильгельм Альбертович! Записку стервец оставил, утром на чердаке нашли. Мол, хочу счастья попытать, походить по морям. А с кувалдой к заклепкам, как батя, встать всегда успеется.

– Как же так? Не пройдя посвящения?

– Как так? – как подрубленная, опустилась на стул Марфа. – А Ваня решил было, что он уж прошел посвящение и, ни слова не говоря, сбежал. Хотел отпроситься с верфи пораньше, чтобы успеть вас в школе застать да выяснить все о сути Гришкиной. А он, значит... – Она с надеждой посмотрела на директора.

– Нет, Марфа Андреевна. Посвящение он не проходил.

– Да что же это за напасть! Это он что же, пустышом останется? – И вновь взгляд, полный надежды, на директора.

– Быть может, и нет. Мы предполагаем, что Господь вы-

делил его, благословив своим даром.

– Кого? Гришку? Это Гришка-то одаренный? Не может быть! – не веря в эти слова, испуганно и в то же время с плохо скрываемой надеждой легонько махнула рукой женщина.

– Чтобы нам это выяснить, нужно с ним поговорить, – задумчиво произнес директор.

– Так где его искать-то? Написал, что сговорился с контрабандистами и те за плату обещали вывезти его на другой остров. А там уж он на корабль устроится.

– Вообще я удивляюсь вам, Марфа Андреевна. Ваш сын сбежал, а вы так спокойно об этом рассуждаете, – решил вставить свои пять копеек Васин.

– Так а чему дивиться-то? Ваня, муж мой, тоже в свои годы сбежал из дому, потому как по морям ходить хотел. А яблоко-то от яблоньки не далеко падает, – утирая кончиком платка выступившие слезы, ответила она.

– Марфа Андреевна, а чем увлекался ваш сын? – поинтересовался директор.

– Так гимнастикой. И бегал по утрам, и тяжести таскал, и по земле валялся, аки порося. Дождь, снег, все нипочем.

– Значит, гимнастика.

– Ну да.

Мать отвела директора и учителя на задний двор, где продемонстрировала все приспособления Гриши. Васин подтвердил, что в гимнастике у парня и впрямь все обстояло самым лучшим образом. Да и Уступов наверняка это подтвер-

дит. Директор молча слушал, прокручивая в голове возможные варианты.

– И что вы об этом думаете? – поинтересовался Васин, когда они уже катили в паромobile.

– Если судить по подбору инвентаря, вполне возможно, что он одаренный атлет.

– А может, художник? У него хорошо получалось рисовать.

– Не мне вам объяснять, что дар проявляется заблаговременно в неосознанной тяге к нему. Он рисовал при всякой возможности?

– Н-нет. Такого я за ним не припомню. Но можно поспрашивать у ребят.

– Хорошо. Тогда сначала в школу, а потом – к боярину Морозову. Но я уверен, что искать нужно именно атлета.

– Искать?

– Неужели вы думаете, что боярин Морозов оставит это дело без внимания? Погодите, он нам еще и выволочку устроит за то, что упустили одаренного. И какая блоха укусила Топилина, что он бросился в бега?

– Романтика. Я тоже мечтал о море.

– Н-да. О море мечтали все.

Отправил в топку очередную лопату угля, после чего смахнул грязной ветошью со лба пот. Повязанная тесьма помогала только поначалу, но стоило ей промокнуть, как влага

просачивалась через нее, словно и нет никакой преграды. За смену Борис менял это нехитрое приспособление до десятка раз. Пока одна вбирала в себя влагу, вторая сохла на ручке заслонки топки.

Да, теперь он опять Борис Петрович Рудаков. Именно под этим именем он значится в списках команды угольщика «Морж». Григорий остался в прошлом. Теперь у него новая жизнь, начавшаяся не самым лучшим образом. А чего он хотел-то? Читать нужно, что подписываешь, а не лениться. Хотя на что еще мог рассчитывать сопляк, не имеющий специальности? Разве только в юнги, которые, по сути, и учатся морскому делу на практике. Но и тут не судьба, ибо не хватает Разумности. Словом, куда не кинь, всюду клин.

Подошел к висящему на цепи чайнику, опустил прикрывающий лицо платок, ну чисто ковбой, и потянул через носик успевшую согреться воду. Прополоскал рот, сплюнув грязь на стальной пол. Потом еще раз. Вроде почище. Сделал несколько больших глотков, после чего снял платок и прополоскал его от всепроникающей угольной пыли. Вновь повязал на лицо, пошел за высохшей тесьмой. Сменил и взялся за кочергу длиной в два его роста. Пошуровал в топке и вернул ее на место.

– Все, черти! Шабаш! Хватит поджаривать грешников, дайте нам повеселиться! – задорно прокричал Прохор, вечный балагур команды кочегаров.

По трапу цепочкой спускалась вторая бригада. И, в отли-

чие от шедшего первым, они особого энтузиазма не выказывали. Да оно, в общем-то, и понятно. Каторжный труд, иначе не сказать. Ничего удивительного, что текучка среди этой части команды была традиционно самой высокой. Но и замена находилась всегда. Лишних вопросов кочегарам обычно не задавали, а потому кого в их среде только не было!

– Все люди как люди, один только ты вечно радуешься каждой вахте, – покачал головой Иваныч, старший кочегар первой смены, осматривая состояние топок.

Удовлетворенно кивнул и указал жестом старшему второй: мол, принимай работу. Немногословный Харитоныч без обиняков заглянул во все три. Потом осмотрел выставленный у стойки инвентарь. Все в целости. После чего все так же молча подал своим знак, чтобы приступали к работе.

– Я, Иваныч, тому радуюсь, – когда ритуал приема-передачи был закончен, продолжил Прохор, – что не на каторге корячусь, а на нашем разлюбезном «Морже».

– А разница? Что там уголек или руду колоть да кидать, что тут корячиться. Да еще и у жаркой топки.

– Разница есть, Иваныч, – поплевав на руки и надевая рукавицы, ответил парень. – Тут я после вахты отмылся и человеческих харчей навернул. Да еще какая-никакая денюга на карман упала. А как в порт придем, так и на бабу залезу. Страшную, какой моя жизнь никогда не будет, но настоящую. И сивухи напьюсь, так, что до рассвета о своей горькой судьбе вспоминать не буду. А как по утру мне станет парши-

во, так буду знать, что с вечера мне все же было хорошо. Что бы там ни вякали про каторжную житуху, как там пинают балду. Сколько бы ни говорили некоторые, что они там были королями, я что-то желающих туда вернуться не встречал.

– Работай, балабол, – коротко бросил Харитоныч, ответившая парню легкий подзатыльник.

Так, ничего серьезного, только и того, чтобы обозначить. Прохор потешно втянул голову в плечи, воровато оглянувшись по сторонам и поспешно натянул на лицо пока еще чистый платок. После чего ухватился за лопату, всем своим видом выражая готовность в одиночку перекидать весь уголь. Стальные своды кочегарки тут же огласились дружным смехом.

Смеялся и Борис. А как тут удержаться, коли этому шуту гороховому нужно было не в кочегары подаваться, а в шапито клоуном подвизаться. Даже если он от кого-то скрывался. Под таким гримом и мать родная не признает, не то что ищейки или свидетели какие.

Смена завершена.

Получено 50 опыта к умению «Кочегар-0» – 100/2 000.

Получено 50 опыта – 205/2 000.

Получено 3 свободного опыта – 7.

А вот эта картина не радовала. Два дня каторжного труда, а в плюсе – только сто очков. Еще пятнадцать получилось

заработать за вчерашний вечер после отработки приемов по умениям «Уличная драка», «Приемы самообороны» и «Гимнастика». После изнурительных тренировок, да еще и после смены, упало всего-то по пять очков. Свободных заработал те же пять. Система не жадничает, хотя и выдает только целые, про остаток из десятых тоже не забывает, впоследствии добавляет.

Хуже другое. Его статьи на виду у всех уровней начальников, начиная от старшего кочегара и заканчивая капитаном корабля. Допустим, офицерам какой-то там подросток-кочегар неинтересен, не станут они в него вглядываться. Зато унтера очень даже просматривают прогресс подчиненных. Ну и как тут скроешь факт роста свободного опыта, который попреет, как на дрожжах?

Хоть беги с корабля и качайся в какой-нибудь норе. Только ничего не получится, нужно же ведь еще что-то есть. И как прикажете зарабатывать? Продавать опыт? А зачем тогда его качать? Тупик. Остается только хоть как-то одолеть первую ступень, вложиться в интеллект и осваивать ремесло. Причем такое, чтобы никаких начальников над ним не было.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Может, зря он затеял этот побег? Взять наплевать на все и предстать пред светлы очи какого-нибудь боярина не из последних. А что, сытная жизнь обеспечена. Станет художником. До десятой ступени дорастет как пить дать. А это два возрождения. Грубо говоря, три полноценные жизни. Даже если по пол-

тиннику, уже полтора года. Это столько лет стоять у холста? Да ну его в болото! Он же повесится!

Стоп! Это всего лишь временные трудности, все будет хорошо, пусть и получается пока не очень. Как говорится, первый блин комом. Разберется еще. Просто нужно подумать, как это все получше обыграть.

К примеру, когда придут в порт, он может где-нибудь спрятаться и вплотную заняться рисованием. А там скажет, что это упало с драки. Благо он не может вкладывать свободные очки напрямую в прогресс ступени, только через какое-нибудь умение или навык, ну или талант, по-местному. Пока же...

А почему бы не рисовать на доске и не распределять очки между тремя тренировками? Нужно повнимательней почитать купленную книгу о Сути. Что там с наработкой опыта? Если за тренировку полагается не больше пяти очков, то с этим лучше не рисковать. Тут тогда только забросить тренировки и качать одним лишь рисованием. Не получится. Тренируется-то он на носу, на специально выделенной площадке под спортуголок, которая, между прочим, не пустует. Тут вообще к физкультуре со всем уважением. И команда – не как на боевом корабле. Всего-то пятьдесят шесть нижних чинов и четверо офицеров. Так что все на виду.

Поднялись уровнем выше кочегарки и прошли напрямиком в баню. Ну, как баня. Скорее уж душевая. Хотя раз в неделю тут устраивают и настоящую парилку. Уж с чем с чем, а с

паром на судне проблем никаких. Для кочегара гигиена важнее всего. Угольная пыль въедается так, что не приведи Господь. Ну чисто шахтеры из забоя. Опять же, если тщательно не мыться, можно какую кожную болячку подхватить.

В этом мире в принципе лечится все, что угодно, от простуды и срамной болезни до рака и смертельной огнестрельной раны. Главное, чтобы помощь подоспела, пока ты не отдал концы. А там, артефакт поднимет тебя в два счета, лишь бы у тебя хватило на такую помощь средств. Денег или опыта по курсу. Тут уж как получится. Но если не можешь заплатить, то готовься к встрече с архангелом Михаилом.

– Борька, как поешь, сразу в койку, – вытираясь полотенцем, велел старший кочегар.

– Иваныч, у меня еще тренировка.

– Цыц, сопля маринованная! Если будешь и дальше так наседать, то долго не протянешь. Мне работник надобен, а не кляча какая. Так что отдыхай.

– А...

– Я все сказал. Увижу на снарядах, отхожу ремнем так, как батя тебя ни в жисть не отхаживал. Уяснил?

– Уяснил.

Вот как тут прокачаться? Поди пойми, что его не устраивает. Действительно радеет о здоровье подчиненного или не желает, чтобы тот слишком быстро взял ступень?

– Не робей, Боря. Все будет путем. Придем в порт, проставишься с первого жалования, а там по мордасам кого отхо-

дим, глядишь и капнет куда больше, чем с тех тренировок, – подбодрил его Семен.

Здоровенный добряк, казалось, ничуть не тяготился своей долей кочегара. Возможно, от небольшого ума. Борис подозревал, что с Интеллектом у того все куда хуже, чем у него. Правда, сердце при этом у Семена было большое и доброе. А еще вчера Рудаков подсмотрел, как Семен любовался закатом солнца, уходящего за морскую гладь. Сколько в его взгляде было прямо-таки детского восхищения!

Ужин, как всегда, был сытный. Наваристые щи, гречневая каша с мясом, зелень, пара кусков хлеба и большая кружка молока. Для легких, значит. Хорошо кормят, не без того, чего не сказать о жаловании. Кочегар получал пятнадцать рублей в месяц плюс по десять копеек за каждый день рейса. Не разгуляешься.

Глава 6

По краю

– Что тут у вас, Остап Владимирович? – поинтересовался капитан, входя в ходовую рубку.

Среднего роста, уже полнеющий, седовласый, с усами и бородкой клинышком, он серьезно проигрывал встретившему его моложавому старпому. Букин был высок, крепок и строен, смуглый брюнет с щегольскими усами.

– Да вот, Аггей Янович, сдается мне, это по нашу душу, – указывая направление, произнес Букин.

Акулов прошел к мощной стационарной стократной трубе, по случаю хорошей погоды выставленной в открытое окно, и припал к окуляру.

– Появился из-за острова и начал нас нагонять, – пояснил увиденное старпом.

– Хм. Если я не ошибаюсь, это миноносец типа «Взрыв». Эка он прет, не жалея угля.

– Насколько я сумел рассмотреть, это «Задорный» боярина Морозова.

– Думаете? Н-нет, не могу определить. Все еще далеко для моих глаз, – покачал головой капитан.

– Две желтые полосы на трубе, верхняя вдвое толще нижней. Его цвета. По облику же походит на «Задорного».

– Более чем в пятистах милях от острова Морозовский?

– Согласен, выглядит это странно. Тем более, в нейтральных водах.

– Играйте боевую тревогу, Остап Владимирович, – после непродолжительного раздумья решил капитан.

– Слушаюсь. Вахтенный, боевая тревога.

– Слушаюсь, ваше благородие, – ответил матрос и тут же ударил в рынду.

Частый тревожный звон разнесся по всему кораблю, проникая в самые удаленные уголки, заставляя матросов бросать свои дела и занимать боевые посты согласно боевому расчету. Находящиеся на вахте кочегары и механики, не имеющие возможности покинуть рабочие места, замерли, подняв головы вверх. Они всматривались в потолки отсеков, словно пытаясь проникнуть на верхнюю палубу и увидеть появившуюся опасность своими глазами. Неизвестность... Нет ничего страшнее нее.

Стюарды поспешно загоняли пассажиров во внутренние каюты, эдакие цитадели со стенами из тридцатимиллиметровой брони. Такая даже среднему калибру не всегда по зубам, что уж говорить о мелком. Тесновато, конечно, не без того, зато безопасно. А еще на всякий случай потребовали, чтобы пассажиры непременно надели спасательные жилеты.

«Морж», конечно же, угольщик, однако все грузовые корабли практиковали пассажирские перевозки. И он не был исключением, имея семьдесят два места. На борту этого чу-

мазого корабля были обустроены даже две каюты первого класса. Впрочем, справедливости ради, по окончании погрузки и разгрузки «Морж» всегда блистал чистотой.

Едва успевший прикорнуть Борис скатился со своей койки на верхнем ярусе. При этом едва не приземлился на голову Семена. Тот словно походя отмахнулся от свалившейся на него напасти, как от назойливой мухи. Правда, усердствовать не стал, поэтому Рудаков не улетел в дверь кубрика. Мало того, Семен еще и подхватил парня, чтобы он не зашибся.

– Не суетись, Боря. Без тебя не начнут, – хмыкнул здоровяк и вновь принялся наматывать портянки.

Вообще-то Борис Петрович всегда искренне полагал, что на флоте сапоги не носят и все щеголяют в ботинках. Он еще с молодости помнил, как морячки с эдаким пренебрежением называли сухопутных сапогами. Бог весть, может, в его мире моряки сапог и не носили, но здесь в качестве рабочей обуви – очень даже¹.

Возможно, связано это с углем, ворочать который приходится часто и много. Шутка сказать, но даже на стоянке их «Морж» потребляет не меньше пяти тонн в сутки. Во время перехода – все тридцать.

---

¹ В Российском Императорском флоте сапоги и черные брюки являлись рабочей формой одежды. В годы Великой Отечественной войны на флоте сапоги также не были редкостью. До ввода ботинок с высокими берцами они выдавались на севере, хотя носили их только служившие в береговых частях и на подводных лодках. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Пока одевался, глянул на часы. До вахты еще два часа. Получается, разбудили их на час раньше. Выбежал на палубу и направился на корму. Его пост – у пожарного гидранта. Рукавом работать должен был Семен. Подростку, даже такому крепкому, нипочем не удержать взбесившегося питона, в который превратится парусиновый шланг с брандспойтом на конце. А вот проследить, чтобы он не запутался, или наложить шину в случае повреждения – это другое дело.

Пассажиров уже не было видно. Стюарды – на посту у бронированных дверей, которые обычно открыты настежь. Но и сейчас они не заперты. Не положено. Люди должны иметь возможность спастись. Мало ли что случится с моряками. Пока же они присмотрят, чтобы особо любопытные не бродили по судну, когда тут будет свистеть смертоносный металл.

– Страшно? – окинув его заботливым взглядом, поинтересовался Семен.

– Если честно, то да.

– Нормально все будет. Бывает, за рейс раз пять тревогу сыграют. Бродят тут всякие... Но зачастую увидят, как пушечки разворачиваются, и отворачивают.

Говоря это, Семен кивнул в сторону семидесятишестимиллиметрового орудия. Возле него сейчас всюду суется расчет, изготавливая снаряды первой подачи. Хм. А щит у него ничего так себе, большой. Скорее, даже и не щит, а какая-то полубашня. Это капитан озаботился безопасностью

подчиненных.

Видел Борис, как в порт Морозовска заходили крейсера с калибром куда как большим, так у них щитов не было и в помине. Адмиралы что-то там про боевой дух свистят, и бояре с дворянами им поддакивают. Но здесь не военные моряки, а гражданские, так что законы и правила свои. Кстати, в иностранных флотах щитами совершенно не пренебрегают.

Всего на «Морже» два таких орудия, на корме и на носу. И расчетами командуют офицеры. Старпом – в ходовой рубке с капитаном. Его дело – борьба за живучесть корабля и руководство авральными командами. То есть рано пока суетиться.

Корабельный доктор, а вернее, фельдшер, разворачивает лазарет в одном из внутренних матросских кубриков. Он является такой же цитаделью, что и каюты с пассажирами. Медпункт на судне, конечно же, есть. Он располагается на корме, только помещение у него совсем крохотное.

– Господин капитан, корабль к бою изготовлен полностью. Пассажиры посчитаны и размещены в защищенных каютах, – наконец доложил старпом.

– Благодарю, Остап Владимирович, – взглянув на часы и удовлетворенно кивая, ответил капитан.

Ну что же. Ежедневные учебные тревоги не пропали даром, пусть и происходят они в одно и то же время. В самое оптимальное, чтобы лишний раз не беспокоить пассажиров. С их привлечением проходит лишь одна тренировка. В пер-

вый день, по выходу из порта. Только и того, чтобы имели представление, что им надлежит делать. В остальное время они с любопытством наблюдают за тем, как по трапам носят матросы. Ну и нередко мешаются под ногами. Куда же без этого.

– Сигналят, – произнес Букин.

– Вижу, – прикуривая трубку, отозвался Акулов.

При этом он не сводил взгляда с мигающего семафора, отстукивающего послание по международному коду. «Миноносец «Задорный», дружина боярина Морозова, Российское царство. Прошу лечь в дрейф. Имею срочное сообщение». Они уже давно опознали его, причем далеко не только по полосам на трубе и названию на борту. Корабли, даже если они одной серии, только кажутся одинаковыми. Моряк всегда найдет десятки особенностей, присущих конкретному судну. И в том, что они правильно опознали миноносец, который видели не единожды, у них уже давно сомнений не было.

– Что будем делать, Аггей Янович? – поинтересовался старпом.

– Не вижу причин выполнять их требование, – пыхнув терпким табачным облаком, произнес Акулов.

– Но они не требуют, а просят.

– Всего лишь игра слов. Мы в нейтральных водах, в пятистах милях от вотчины боярина Морозова. Войны нет. О том, что он действует в этих водах по царскому указу, он не

сообщает. С какого, собственно говоря, перепуга я должен выполнять его указания? Я карабкался из простых матросов, дорос до вольного капитана и встал на мостик своего судна не для того, чтобы мною могли понукать боярские дружинники.

Вообще-то сомнительно, чтобы Акулов вел себя подобным образом, если бы не рассорился вдрызг с владельцем металлургического завода. Того не устраивала цена поставки угля. Видишь ли, по девять рублей за тонну – слишком дорого. Можно подумать, Акулов золото лопатой гребет. Как бы не так!

Сегодня у него в кармане уже лежал новый контракт. Он бы и раньше принял это предложение, но останавливало то, что при незначительно увеличивающейся чистой прибыли процентов на двадцать становилось больше и плечо доставки. А это, как ни крути, повышенный износ ресурса машины и агрегатов. Так что то на то и выходит. Однако настал момент, когда многолетнему сотрудничеству все же пришел конец. Это был последний рейс «Моржа» на остров Морозовский.

Словом, у капитана не было ни единой причины проявлять дипломатичность, зато появилась возможность показать свою независимость и принципиальность, что, несомненно, положительно скажется на его авторитете и будет оценено как другими капитанами, так и обществом в целом. Вольные капитаны и без того окутаны романтическим орео-

лом. И вот сейчас в фасад этого здания ляжет очередной кирпичик.

– Сигнальщик, передайте сообщение на миноносец: «Если вы не имеете соответствующего указа царя, не вижу причин для остановки машин».

– Слушаюсь, – откликнулся матрос и тут же начал отстуживать шторками семафора.

– И да, Остап Владимирович, не думаю, что стоит держать наших пассажиров в душных каютах. Великолепное утро. А еще скажите сигнальщикам: если у пассажиров возникнут вопросы, пусть уж удовлетворят любопытство наших гостей, – обратился капитан к старпому.

– Команда? – уточнил тот.

– Экипаж остается на боевых постах. Орудийным расчетам сопровождать цель.

– Я все понял, Аггей Янович.

Ну да. Какая же бравлада без свидетелей? Рассказ о случившемся должен исходить не от капитана или членов команды «Моржа». Им-то как раз стоит проявить скромность и только отмахиваться: мол, какие пустяки, все-то тут приукрашено. Надо бы не забыть наказать боцману, чтобы строго-настрого запретил матросам распространяться по этому поводу. Под угрозой штрафных санкций. Тогда и среди моряков пойдут разные слухи.

И плевать, что это может задеть боярина Морозова. Не та фигура, которую стоило бы по-настоящему опасаться. Князя

же Тактакова это ни коим образом не коснется. Тем более, что все – в пределах существующего законодательства.

Вскоре пассажиры вывалили гурьбой на палубу, даже извечные любители времяпрепровождения за карточным столом. Мужчины вели себя сдержанно, зато дамы поспешили засыпать вопросами находящихся на постах сигнальщиков, которых можно было без труда узнать по висящим на груди биноклям. Получившие добро моряки охотно отвечали на вопросы, при этом подбоченившись от осознания собственной важности.

«Прошу помощи. Имею пустые угольные ямы», – получив отказ, отстучал новое сообщение капитан миноносца.

Ничего удивительного в том, что он извел весь уголь. Этот кораблик имеет запас хода всего лишь в шестьсот миль при скорости в десять узлов. Он же, похоже, выжимал все, на что были способны машины.

А вот это уже совсем другое дело. Мимо такого сообщения пройти не может ни один моряк. Нет возможности поделиться углем, значит, возьми на буксир и доведи до ближайшего порта. Впрочем, этот случай не подпадает под безвозмездную помощь. За каждый пуд угля Акулов возьмет честную плату, ни копейкой больше, но и не меньше.

– Сигнальщик, передай: «Вас понял. Готов помочь».

– Слушаюсь.

Ну а еще, кроме красивого жеста, это отличная возможность разойтись-таки краями с боярином. Ведь догоняющий

их «Задорный» все одно пристанет к ним, и никакой веской причины не позволить капитану и членам его команды подняться на борт у Акулова нет. Либо оказывать помощь, либо отмахиваться от призыва. Никаких полутонов. Разве только...

– Остап Владимирович, распорядитесь, чтобы боцман вскрыл оружейную и раздал морякам оружие согласно боевому расчету по отражению абордажа.

– Стоит ли так-то? – усомнился Букин.

– Стоит. Еще как стоит.

Признаться, Борис не совсем понимал, что происходит. Он видел, как корабли обменивались световым сигналом, но понятия не имел, о чем идет речь в этой своеобразной переписке. А потом на палубу гурьбой повалили пассажиры. Они и раньше прохаживались рядом с пушкой. Но тогда она стояла, как предмет интерьера. Теперь же, с орудийным расчетом и снарядами первой подачи во вскрытых ящиках, она заиграла новыми красками.

Вскоре стих монотонный шум машины и «Морж» лег в дрейф. «Задорный», которого Борис узнал, едва только стали различимы детали, начал быстро сближаться. Да так лихо, что того и гляди столкнется. Впрочем, его командира всегда отличали лихость и знание своего дела. Со своим миноносцем он обращался прямо-таки виртуозно. Правда, еще недавно новейший миноносец старел буквально на глазах, приходящие на смену новинки быстро оставляли его позади.

Вот только Рудакова сейчас меньше всего занимали вопросы развития кораблестроения или мастерства кораблевождения офицера дружины боярина Морозова. Куда больше его беспокоило появление этой боевой единицы в такой дали от порта приписки. Ни в прошлой, ни в этой жизни Борис Петрович не страдал манией величия, но отчего-то не сомневался, что это примчались по его душу.

Проблемы с Интеллектом сыграли с ним злую шутку. Он догадался оставить родителям записку, чтобы успокоить их и направить возможные поиски по ложному следу. Но, оказавшись уже в открытом море, вдруг сообразил, что из порта в то утро ушел только «Морж». Второй угольщик все еще стоял под разгрузкой. Если решат настигнуть вышедшее судно, то Рудакову и деться-то будет некуда.

Оставаться здесь на службе глупо. Корабль ведь совершает регулярные рейсы на Морозовский. Это как же нужно было заболеть на голову, чтобы прятаться на его борту! Понятно, что денег на контрабандистов не было, но уж как-нибудь извернулся бы. Но нет, нужно было додуматься до самого тупого варианта. Го-осподи. Ну когда же у него котелок наконец заработает в нормальном режиме!

Словом, он наблюдал за тем, как причаливает миноносец, уже не ожидая от этого ничего хорошего. Деться ему некуда. Он даже судно как следует не облазил, чтобы найти какую-нибудь глухую щель и забиться туда. Впрочем, в любом случае отыскали бы, без вариантов. Похоже, его побег все же

не удался и придется-таки «сидеть на цепи».

Он настолько увлекся нехорошими мыслями, что даже не обратил внимания на вооружение матросов карабинами, револьверами и кортиками. Да какая разница! Тем более, ему оружие пока не полагалось. Не было у него соответствующего умения. Не озаботились еще.

– Позвольте вас приветствовать, Аггей Янович, – поздоровался поднявшийся на борт лейтенант.

– Здравствуйте, Евсей Егорович. Куда же вы так рвались, что опустошили угольные ямы? Опять же, ваша точка невозврата уже давно осталась позади.

– Мне ли этого не знать! Но приказ есть приказ, – развел руками офицер.

– Понимаю.

– Позвольте вам представить: коллежский секретарь сысского отдела Перфильев Илья Назарович.

– Очень приятно.

– Вы позволите с вами переговорить? – попросил полицейский чин.

– Ну, коль скоро вы все одно оказались на борту... – капитан развел руками. – Остап Владимирович, не займетесь ли с Евсеем Егоровичем пополнением их ям.

– Разумеется, – тут же откликнулся старпом.

– Аггей Янович, я не буду ходить вокруг да около. Дело в том, что я разыскиваю преступника. Некий молодой человек из среды рабочих посмел поднять руку на младшего сына

боярина Морозова. Не мне вам объяснять всю тяжесть этого преступления против государственных устоев.

– Разумеется.

– По тревоге поднята вся боярская полиция. Жандармерия пока не усматривает причин для вмешательства. Поэтому мы вынуждены обходиться своими силами и уповать лишь на вашу добрую волю и законопослушность.

– Непременно. Вы можете рассчитывать на любую мою помощь.

– Есть основания полагать, что преступник мог наняться матросом на ваш корабль.

– Хм. Насколько мне известно, мы новых членов команды не набирали. Но я лучше уточню. Ага. Сорокин, подойди-ка, – позвал он боцмана.

– Ваше благородие, боцман Сорокин по вашему приказанию прибыл.

– Севастьян Григорьевич, а скажи-ка мне, не нанимал ли ты в Морозовске матросов?

– Никак нет, ваше благородие. У нас весь штат заполнен, – тут же ответил боцман.

А что ему еще было говорить. Акулов на память не жаловался. Да, договоры с нижними чинами подписывал боцман, но визировал их в обязательном порядке капитан. И коль скоро задает такие вопросы, то ожидает услышать определенный ответ. И гадать, какой именно, не приходится.

– А пробраться на корабль никто не мог? – поинтересо-

вался полицейский.

– Никак нет. Мы службу знаем. Только если билет купил и пассажиром. А иначе никак.

– Братец, быть может, ты все же каким-то образом недо-
смотрел? Ведь и на старуху бывает проруха, – решил уточ-
нить Перфильев.

– Я двадцать лет в боцманах хожу, ваше благородие, – с
нарочитой обидой возразил старый моряк.

– Ну полноте. Прости, братец. Не хотел тебя обидеть.
Служба такая – ловить преступников.

– Ступай, Севастьян Григорьевич, – распорядился Аку-
лов.

– Слушаюсь.

Тем временем матросы вскрыли угольную яму и начали
перегрузку топлива. Миноносец не крейсер и не грузовой па-
роход, его запасы куда как скромны. Так что несмотря на то,
что механизация была предусмотрена для погрузочно-раз-
грузочных работ только трюмов, управились быстро. Про-
шло меньше часа, и «Задорный» отвалил от борта «Моржа»,
взяв обратный курс.

– Ну что, Илья Назарович, только зря прокатились, – огля-
нувшись на удаляющегося угольщика, произнес Колобков.

– С чего вы это взяли? – вздернув бровь, не согласился с
лейтенантом полицейский.

– Но как же...

– Он там. В этом никаких сомнений. Иное дело, что воль-

ный капитан решил проявить норов и отправить нас восвояси ни с чем.

– Вообще-то Акулов дворянин.

– Начнем с того, что он выслужил дворянство, поднявшись из низов, а потому не столь щепетилен в вопросах чести, как родовитые дворяне. И он вольный капитан, а они не отличаются почтительностью к боярским родам.

– Зато все они непременно хорошие дельцы. «Морж» совершает регулярные рейсы на Морозовский.

– Я узнавал. Это был последний. Контракт разорван. Они обычно бункеруются на Донбасском архипелаге. Мы можем обогнать их так, чтобы они этого не заметили?

– Секунду. – Лейтенант склонился над картой и прикинул что-то. – Обойдем этот остров, прикроемся этим, далее обратимся для них всего лишь в дымы, а там и вовсе уйдем за горизонт.

– Отлично. Кстати, Евсей Егорович, а сколько у вас в судовой кассе денег?

– Две тысячи двести пятьдесят три рубля тридцать семь копеек.

– Вы сумеете добраться до Морозовска, если выделите мне под расписку две тысячи рублей?

– Разумеется.

– Я был бы вам очень признателен. И еще. Высадите нас подальше от порта, в который направляется «Морж».

– Похоже, у вас намечается веселье, Илья Назарович.

– Признаться, я с большим удовольствием вернулся бы домой. У меня, знаете ли, через две недели свадьба, а я гуляю по морям.

Едва миноносец отошел от борта угольщика, как сыграли отбой. Моряки потянулись к оружейной сдавать навешанный на себя арсенал и бурча под нос все, что они думают о разыгранной капитаном показухе.

– Ваше благородие, матрос-кочегар Рудаков по вашему приказанию прибыл, – вытянувшись перед капитаном, доложился Борис.

– Ну расскажи, братец, как ты посмел поднять руку на младшего боярича.

Проблемы с Интеллектом, конечно же, никуда не делись, но именно в этот момент Рудаков вдруг четко осознал, что и как нужно говорить.

– Так откуда мне было знать, что он боярич, ваше благородие. Гимназисты решили набить нам морду, ну и я, значит, одного из них приласкал малость. А уж потом узнал, кого именно отлупил. Вот и подался в бега.

– Н-да. Мальчишки, – задумчиво произнес капитан, вглядываясь в Суть парнишки.

Ступень – 0.

Опыт – 235/2 000.

Свободный опыт – 7.

Избыточный опыт – 0.

Свободные очки характеристик – 0.

Сила – 1,22.

Ловкость – 1,21.

Выносливость – 1,25.

Интеллект – 0,99.

Харизма – 1,05.

Умения – 4.

Навыки – 1.

– Э-э-э, братец, да ты драчун. Из четырех умений три боевые.

– Хочу побыстрее подрасти на ступень, ваше благородие, чтобы Разумность выправить. Не всю же жизнь в кочегарах ходить...

– Похвально, братец, похвально. Ладно, ступай.

Борис не мог поверить в то, что сумел пройти по краю. Правда, все одно с «Моржа» нужно делать ноги. Если уж Морозов отправил вслед за угольщиком миноносец, то вот так просто не отступится. Нужно все же повнимательней почитать ту книгу о Сути. Даром, что ли, отдал за нее почти все свои деньги.

– Вот ты шельма! Борька, ты что же, вместо того, чтобы спать, как и положено после смены, опять в спортивном уголке время проводил? Я тебе что сказал, а? – недолго думая, Иваныч отвесил парню звонкий подзатыльник.

Тот противиться не стал, а под общий смех втянул го-

лову в плечи и юркнул в открытую дверь. Его предположения оправдывались: старший кочегар продолжал мониторить Суть своего подчиненного. Быть может, причина как раз в том, что для карьерного роста тому не хватает всего лишь одного очка надбавок?

Вообще-то он не тренировался. Просто улучил ночью немного времени и, вооружившись мелком, наскоро заработал пятнадцать очков, за которые ему пришлось бы сливать пот не меньше трех часов. Правда, в общем зачете подросток он на все тридцать. Как-то не подумал об этом. Придется прекращать эту партизанщину. Ч-черт! Вот как тут крутиться? Когда будет побольше умений, глядишь, и начальству будет лень все подсчитывать. Но сейчас он пока еще весь на виду. Так что поаккуратнее надо бы.

Глава 7

«Стриж»

– Здравия вам, господин шкипер. Этот пароход идет до Яковенковского острова? – задорно поинтересовался Борис, вскинув раскрытую ладонь к обрезау лихо заломленной бескозырки.

Сидевший на стальном кнехте мужик весьма отталкивающей внешности поднял на молодого и полного жизни паренька усталый взгляд. Седой, плешивый, болезненно худой; черный и грязный китель висит на нем мешком. Недельная щетина, пожелтевшая возле губ от табачного дыма. Во рту, полном гнилых зубов, торчит мундштук старой, выдавшей виды трубки.

Небольшой пароходик с гребными колесами вполне соответствовал своему владельцу. Такой же старый, потасканный, с облупившейся краской и знавший куда лучшие времена. Все было за то, что кораблик доживает свой век, как, впрочем, и шкипер. Хотя-а-а... В отношении последнего однозначно сказать нельзя. Как ни крути, а пятая ступень у него есть, иначе никто не доверил бы ему управлять этой калошей, зарегистрированной в реестрах гражданского маломерного флота. А значит, и одно возрождение в запасе имеется. Ясное дело, если он его уже не разменял.

Вообще-то сомнительно. Местные не торопятся начинать жизнь заново, что вполне логично. А начав, все же стараются сделать выводы из прошлого и что-то поменять в новом теле. Впрочем, жизнь ведь как зебра – полоса белая, полоса черная, а в конце все одно задница. Так что могло не сложиться и по второму кругу.

– Рубль, – не вынимая трубку изо рта, произнес капитан.

– Платить где?

– Мне и плати. У меня тут не пассажирский лайнер, лишних в команде нет.

Борис без лишних разговоров вложил в руку старика целковый. Тот поднялся на ноги, отряхнул брюки, извлек из кармана медный жетон с криво выбитым названием «Стриж» и вручил его новоявленному пассажиру.

– И когда отбытие?

– Не так скоро, матросик. Вишь, народ на берегу сидит? Вот и ты присаживайся. Как наберется вас пять десятков, так и отчалим.

– А как по опыту, господин шкипер? – осматривая с дюжину пассажиров, расположившихся на камнях, поинтересовался Борис.

– По-разному, сынок. Может, и за час соберутся. А может, и до утра не наберется. Но уходить не советую. Как зазвенит рында, дуй на судно. Опоздаешь, тебя ждать никто не будет. Жетон не потеряй. Не сдашь – на палубу не поднимешься.

Отвернулся и пошел по деревянному причалу на пароход.

Неинтересно ему лясы точить с тем, у кого еще вся жизнь впереди. Потому как у него уже все состоялось и перемен к лучшему, похоже, не предвидится. Одно только и остается – исходить на желчь. Оно, конечно, может, и не все так безнадежно, но что-то подсказывало Борису, что это не тот случай.

Подхватил свой туго набитый сидор и развернувшись кругом, словно на плацу, пошел к берегу, выискивая местечко где-нибудь в теньке. Даже если ожидание продлится всего лишь час, провести его под палящими лучами никакого желания. Конец мая, но, во-первых, солнце уже злое. А во-вторых, он успел забраться значительно южнее родных мест.

Местный причал, можно сказать, дикий. Обычная картина на островах. Устраивают их обычно вскладчину несколько капитанов, регистрируют и используют маршруты, уплатив в казну откупные. Об удобствах для пассажиров никто не думает, в лучшем случае имеются лавки, да и то по большей части прилаживают их сами же пассажиры. Найдется какой рукастый и смастерит из разного хлама. Ждать тут и впрямь приходится порой сутки напролет. Пока пароход не наберет нужного количества пассажиров, шкипер и не подумает отчаливать. Уголек и обслуживание судна денег стоят.

Капитан Акулов все же не пожелал укрывать на своем корабле беглого. Да, непредумышленно, но он все же совершил серьезное преступление, что в сословном обществе было непростительно. Конечно, боярские дети, играющие с подданными, – это вовсе не редкость, как и разбитые носы.

Это даже поощряется, а потому происходит сплошь и рядом. Но лед этот тонок, и в какой момент родители этих чад решат, что грань перейдена, не знает никто. И коль скоро Морозов отправил для розыска миноносец, значит, удила он закусил крепко.

Поэтому Аггей Янович принял эдакое половинчатое решение: и не выдал своего матроса, и дальнейшим покровительством обременять себя не стал. Выправил ему паспорт, приписал год стажа, дал рекомендацию да отпустил с богом. Была такая практика у вольных капитанов. Брали они на себя порой такую ответственность. Насквозь незаконное деяние, оформленное в пределах определенных рамок.

Случись, попадется где моряк с подобным паспортом, так в судовом журнале окажется запись, что паспорт у него прежде был, но оказался сильно порчен морской водой, и потому взамен капитаном выдан временный. А уж чего матрос не озаботился выправкой нового паспорта, это его трудности.

Словом, выпроводили его от греха подальше, зато выплатили от щедрот целых пять рублей, да плюсом ему осталось все выданное вещевое довольствие. Вообще-то очень даже неплохо, учитывая, что весь переход занял всего лишь пять суток и отстоял он столько же вахт.

Бориса это более чем устраивало. Вот не нравилась ему погоня на миноносце, как и то, что он вычитал о гениях. Если коротко, то ручной гений после соответствующих в

него вложений мог значительно упрочить положение боярина Морозова. Как? Рудаков доподлинно пока не разобрался. В купленной книжонке все это описывалось обтекаемо. А может, все еще сказывались проблемы с Интеллектом.

Покинув борт «Моржа», Борис поспешил убраться и с княжеского острова. Ведь тот полицейский чин знал, куда направляется угольщик, а значит, лучше там не задерживаться.

Вообще-то было бы дешевле забраться на какой-нибудь пассажирский лайнер или сухогруз с местами четвертого класса и за меньшие деньги разом отмахать все семь сотен миль, а не те неполные три, сделанные им. Ну и вот сейчас на последний рубль около сотни накинёт. Третья пересадка. И он очень надеялся, что изрядно запутал следы.

На большие корабли билеты без паспорта не купить, а значит, придется засветиться. На небольшие же пароходики, маршруты которых не превышали минимального тарифа до сотни миль, документы уже не требовались. Правда, путешествовать на таких перекладных получалось зачастую только в пределах одного архипелага. Но это ведь ерунда. Поди его теперь тут сыщи! Главное не отсвечивать.

А он и не собирается. Вот доберется до Яковенковского, а там опять наймется на какой-нибудь пароход. Причем уже может рассчитывать на вакансию повыше кочегара. Еще немного – и он возьмет ступень, а там и Интеллект поднимет.

За прошедшие пять дней скитаний Рудаков успел не про-

сто прокачаться, а прямо-таки взлететь. Что такое для него десяток рисунков мелом? Да как два пальца об асфальт. Час сидения над доской и двенадцатичасовая смена в кочегарке осталась за спиной. А он сидел не по часу.

Вот и сейчас устроился в тени дерева, наскоро перекусил копченым окороком да куском сыра, запив это несколькими добрыми глотками кваса из фляги. И вновь потянул из сидора свою доску с мелком. Кстати, купил себе целую коробку из десятка белых брусочков. Карандашный рисунок, конечно, приносит побольше, но стоимость карандашей и мелков просто несопоставима.

Выполнен эскиз мелом.

Получено 5 опыта к навыку «Художник-0» – 1660/2 000.

Получено 5 опыта – 1995/2 000.

Получено 5 свободного опыта – 1667.

Ну вот. Очередной набросок готов. Еще один – и он наконец возьмет первую ступень. Разумеется, он мог получить ее уже давно, но не хотелось вкладывать свободные очки в имеющиеся умения. Не настолько уж у него и горит. Понятно, что допуск к какому-нибудь там техническому умению без соответствующего уровня Интеллекта не получить, но ведь ничего подобного на горизонте пока не предвидится. Так что свободные очки пока лучше приберечь.

– Слышь, морячок, это наше дерево, – развязным тоном

произнес один из подошедших.

Эту троицу Борис приметил загодя. Они лениво прохаживались по берегу в поисках жертвы. Но будущие пассажиры парохода «Стриж» либо держались кучками, либо не представляли интереса ввиду явной финансовой несостоятельности. А вот морячок в новенькой форме вполне мог оказаться с монетой. Опять же, туго набитый сидор свидетельствует, что он не убогий какой, обиженный судьбой.

– Здесь вам не обломится, – ответил Борис.

Продолжать сидеть перед тремя архаровцами не очень умная мысль. Поэтому он поднялся, а когда один из троицы решил зайти сбоку, чуть сместился назад, не позволяя себя охватить. При этом легонько покачал головой: мол, не балуй. Может, и не такая глупая идея вкачать свободные очки в ту же «Самооборону»... Она стоит выше «Уличной драки», хотя, конечно, и от последней есть польза, имеются там интересные ухватки, которые никогда не будут лишними.

– Ты чего мельтешишь, морячок? Стой на месте. – Нож в руке вожака появился словно из ниоткуда.

Не иначе как прокачено соответствующее умение на холодное оружие или конкретно на короткие клинки. Борис не в курсе. Да и без разницы. Нужно что-то делать – либо разруливать, либо начинать драку. Ребятки молодые, только-только входят в блатную жизнь, а потому самоуверенные, горячие и бесшабашные. Так что пойдут до конца. Мозгов-то кот наплакал.

Борис тоже не безоружный, только за нож хвататься не думает. Есть у него в кармане кнопочный, но так-то уж кардинально действовать не хотелось. Зато в руках – доска для рисования. Умеючи да с умом – не так уж и мало. У него боевые умения прокачаны, конечно, слабовато, но и прежние навыки ведь никуда не делись. Да еще и бонусы от основных характеристик. Так что есть чем ответить. А вот начинать первым – желания никакого. Но, похоже, придется.

– Эй, босота, это мой пассажир, – донеслось из-за спины шпаны.

Едва услышав этот голос, вожак резко обернулся, продолжая сжимать в руке нож. Шкипер, все так же не вынимая из рта мундштук трубки, неодобрительно покачал головой. Борис заметил торчащую из-за борта его кителя рукоять револьвера. Не припомнит, чтобы тот был вооружен в момент их разговора.

– Здравсте, дядька Дорофей.

– И тебе не хворать, Стира.

– Так это... Тогда мы пойдем?

– А кто тебя держит? Иди, конечно.

Оп-па. А шкипер, похоже, тут в авторитете. Нет, оружием в этом мире никого не удивить, и приобрести его проще простого. Для этого даже документы не нужны. Правда, прокачать умение обращения с ним выльется в хорошую такую копеечку, потому как стрелять нужно до неприличия много.

Иное дело, что использовать его вот так запросто не по-

лучится. Спрос у полиции строгий. И не посмотрят, что ты шкипер. Открыл пальбу – будь добр, обоснуй, с какого, собственно, перепуга. Это ведь не в темном переулке пальнуть или после перестрелки остаться неузнанным. Белый день и народу вокруг хватает. Но этот худощавый старичок, похоже, оружие мог запросто пустить в ход, и местный преступный элемент это прекрасно знал.

Впрочем, авторитет шкипера вовсе не объяснял причину, по которой тот решил вступить. На борца за справедливость, равенство и братство он не походит. Плату за проезд получил. Какое ему дело до незнакомого парня, по всему видать, особыми талантами не блещущего? Уж больно молод.

– Сынок, заработать хочешь? – все так же не вынимая трубку, поинтересовался старичок.

– Что нужно делать?

– Шаланда подошла. Уголек нужно погрузить в яму. Народ пока не собрался, ты все одно сидишь без дела.

– Сколько?

– Пятьдесят копеек, – пожав плечами, обозначил цену тот.

– Отчего же не подработать? Вещички куда пристроить найдется? А то у вас тут полно охотников до чужого добра.

– Найдется. Пошли уж.

Как выяснилось, пока Борис рисовал, к пароходу подошла шаланда с углем. Ничего особенного, деревянная посудина с мачтой и сложенными парусами. Есть и дымовая труба. Правда небольшая, и машина наверняка слабенькая, только

и того, чтобы маневрировать в акватории. А так передвигается только силой ветра. Хозяин этого угольщика-недомерка предпочитает зарабатывать на продаже угля, а не пережигать его.

Пройдя по деревянному настилу пирса, Борис наконец оказался на палубе «Стрижа». Перед гребными колесами имеется поперечный проход. Между ними – надстройка. Слева – лавки для размещения пассажиров. Надстройка небольшая, а потому если все набьются вовнутрь, будет чересчур тесно, и иллюминаторы не смогут обеспечить должную вентиляцию. Поэтому люди предпочитали располагаться как на корме, куда можно было пройти через надстройку, так и на носу.

Справа от прохода – надстройка поменьше, в ней находятся галюн, душевая, переход на нос и площадка сразу с тремя трапами. Два ведут вниз – к машине с кочегаркой и каютам. Один – вверх, на капитанский мостик с ходовой рубкой. Пассажирам туда, ясное дело, ходу нет. Вообще теснота на этом «Титанике» невероятная. Полусотне человек тут вольготно никак не расположиться.

Переодевался Борис в надстройке для пассажиров. Разложил форму на одной из лавок и деловито достал рабочую одежду с новыми сапогами. При виде такой обстановки шкипер только одобрительно хмыкнул и кивнул в сторону шаланды: приступай, мол.

Погрузка угля – дело немудреное, разве только тяжелое.

Правда, не настолько, как кидать уголек в топку большого корабля. Все же ветерком обдувает, он же относит в сторону черную пыль, оседающую на морскую гладь эдакой пленкой.

Работали вдвоем с палубным матросом. На бункеровку традиционно привлекается вся команда. Здесь она состоит всего-то из четырех человек. Механик и шкипер не в счет, вот и трудятся двое, хотя и не понятно, куда подевался штатный кочегар.

Уголь бросали прямо с шаланды в люк на палубе «Стрижа». Пароход небольшой, а потому и расход топлива куда как скромный. А как следствие, и угольные ямы не такие объемные, как на том же «Морже». Всего-то девять тонн или порядка шести кубов.

Яму с левого борта заполнили быстро. А вот с правой пришлось повозиться – и уровень угля в шаланде понизился, и надо было тачкой перевозить его через палубу, ссыпая в люк со стороны причала. Словом, побегал Борис от души.

Матрос наотрез отказался от этой работы, потому как это обязанность кочегара, вместо которого и трудится Рудаков. Он было обратился к шкиперу, но тот, по-прежнему не вынимая изо рта трубку, заявил, что Тимоха прав и Борису следует не отлынивать, а побыстрее поворачиваться. Ну что же, вполне справедливо. Закатал рукава и побежал по сходням. Еще и лопатой приходилось работать.

Зато когда закончили, с чистой совестью оставил грязную палубу на долю Тимохи. Тот даже и не подумал возра-

жать по данному поводу. Вооружился шваброй и приступил к уборке. Справедливости ради, убирался он так себе. За такую халтуру Севастьян Григорьевич, боцман с «Моржа», уши оборвал бы. А уж по сусалам прошелся бы однозначно.

Покончив с работой, Борис направился в баню, а вернее, в душевую. Она располагалась в надстройке по соседству с галюном. Вода забортная, но подается из бака, где прогревается солнышком. На таких пароходах в теплую пору на стоянке топки котлов гасятся, чтобы не было перерасхода угля.

– Ты кем служил, сынок? – наблюдая за тем, как Борис одевается в чистое, поинтересовался шкипер.

– Так кочегаром и был, батя.

– И документы есть?

– А то как же!

– За воротник закладываешь?

– Никак, сватаешь на «Стрижа»?

– Митьку гнать в шею давно пора. Запойный он. То месяц как стекло, а то споткнется о пробку и поминай как звали. Вчера пошел семью навестить да запропал. Видать, опять гуляет.

– И сколько положишь?

– Рубль с рейса. В месяц получается пробежаться не меньше двух десятков раз. Плюсом полный кошт и отдельная каюта.

– Наставником быть согласишься?

– Ты на меня глянь. Какой из меня наставник?

– Ну, «Стрижа-то» ты водишь.

Потребность в квалифицированных специалистах росла день ото дня. Училища с их подготовкой попросту не справлялись, поэтому по всему миру было широко распространено наставничество. Вплоть до того, что одним из пунктов контракта было непременно условие выставить себе замену. Конечно, никто на контракт не смотрел, когда нужно было выгнать взащей какое-то чудо-юдо. Но если специалист стоящий, только так и никак иначе. И те старались не за страх, а за совесть, потому как получить вместо хорошей рекомендации волчий билет – это поставить крест на карьере или возможности оказаться на хорошем месте.

В тот момент, когда наставник решал, что пришло время, обучаемый сдавал квалификационные экзамены в профильном учебном заведении, будь то училище или институт. Не когда заблагорассудится, а пристежным к ученикам. Отношение к обучающимся у наставников было предвзятым, ибо вместо целого пула учителей обучением занимался один, максимум два практика. Поэтому сдача испытаний с первого раза являлась событием крайне редким. Обычно получалось это сделать эдак попытки с третьей.

– «Стрижа» вожу. Ты вообще представляешь, сколько тебе всего нужно преподавать, чтобы ты смог встать на мостик? – хмыкнул шкипер.

– Представление имею. Но ведь специальностей много, а еще есть курс обучения по общим предметам. Составить-то

его ты всяко сможешь. Чему-то же тебя учили? А для начала я бы на машиниста выучился.

Это да. Любой окончивший реальное училище или выученный наставником на соответствующую ступень непременно имел специальность учителя. В какой мере – это уже вопрос другой.

– Хм. С общим курсом ладно, что смогу вспомнить... Нда. Аж самому интересно стало. А машина – это как Терентий решит.

– Кому тут Терентий ногу отдал? – слышался зычный голос.

В ходовую рубку вошел еще один седовласый мужичок. Как и вся команда – среднего роста, только сложения плотного. Ну и вообще аккуратный. Вроде и у машины крутится, а чистый, пригожий и располагающий к себе.

– Да вот, кочегара к нам сватаю, а он с претензией. Уголек в топку без книжки кидать не желает.

– Достал-таки Митька? – констатировал механик.

– Достал.

– А семью его не жалко?

– Я ему не нянька, – отмахнулся шкипер.

– Понятно. Ну что, сынок, показывай Суть, – обернулся Терентий к Рудакову.

– К чему это? – хмыкнув, покачал головой парень. – Меня сюда вроде как не помощником шкипера берут, а кочегаром.

– И как же нам понять, способен ты учебу принять или

нет? – слегка разведя руками, произнес машинист.

– Первая ступень есть, Разумность на уровне. Так что не сомневайтесь, старики, учите. А чтобы не было сомнений, вот мой паспорт и рекомендация.

– Хм. Стало быть, год отходил на «Морже», – с сомнением произнес шкипер.

– Есть такое дело, – подтвердил парень.

– А не больно ли для того молод?

– Тебе кочегар нужен? Если да, условия я тебе сказал. Если нет, тогда я пошел на берег, ждать отхода.

– Экий ты резвый. Ладно, пока беру, а там поглядим. Тимоха, поди в Митькину конуру, собери его пожитки и снеси к нему домой. Да поторопись. Народ прибывает, скоро отходить будем.

– А как же приборка?

– Потом закончишь, – отмахнулся шкипер. – Ну что же, обустраивайся, а я пока договор подготавливаю. Звать меня Рыченков Дорофей Тарасович. Машиниста нашего – Носов Терентий Андреевич. Тимоху ты уже знаешь. Держи свои полтора целковых. Все, иди, Тимоха тебе все покажет.

Каюты экипажа находились в носовой части. Спустившись по крутому трапу, Борис оказался в коротком коридоре. С боков – по две двери. Каюты ближе к носу – матроса и кочегара. Они потеснее. Капитана и механика – следующие, там попросторней. За спиной, в торце – дверь на камбуз, он же и столовая. Через перегородку начинается машинное от-

деление. Правда, отсюда ходу туда нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.